

ДЕВЯТОЕ СЕРДЦЕ ЗЕМЛИ

Тери Аболевич

18+

Тери Аболевич
Девятое сердце земли

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Аболевич Т.

Девятое сердце земли / Т. Аболевич — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

ISBN 978-5-532-06616-8

Что вы будете делать, если придётся расстреливать людей, закованных в цепи? Конмаэл Форальберг попал на службу против воли, и не в самое пекло. Гора Мертвецов – крепость, куда привозят военнопленных. Там же молодые солдаты впервые убивают, истребляя в себе сомнения и жалость. Как отличить, что хорошо, а что плохо, когда весь мир прижат сапогом воинского долга? И захочет ли Конмаэл искать путь к свету, стоя по безопасную сторону от винтовки? Этот психологический роман – против войны как явления. Это история о долгом спуске с Горы Мертвецов. Что вы найдёте внизу?

ISBN 978-5-532-06616-8

© Аболевич Т., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Пролог	6
Часть 1 – Гора Мертвецов	7
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	32
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

*Хрупкотелые древние солнца
Тонятся в линии горизонта
Изо дня в день,
Изо дня в день.
Хрупкотелые смелые солнца
Проигрывают ежеминутно
Желающим спрятаться в тень.
Умеющим прятаться в тень.*

Катерина Букишина

Пролог

Я погиб. Меня не стало. Пустота, внезапно ворвавшаяся в моё тело, принесла с собой страх, холод и необъяснимое чувство величия. Металл и раскалённый порох – содействие, созданное человеком против человека, стало частью меня. Пуля многим тяжелее своего привычного веса. На самом деле он измеряется центнерами, тоннами, массой всех тел, сражённых людским безумием. Смерть – самое естественное, что есть в жизни, убийство – самое неестественное, и всё это липким симбиозом пронизывает историю всего нашего рода. Я столько раз посылал пули в других людей, что кажется высшей справедливостью, что они наконец вернулись ко мне силой одного меткого выстрела. Кровь не застилала глаза, жизнь не проносилась передо мной яркой каруселью событий. Мне было непонятно и неприятно щекотно где-то внутри. Помню, как становилось всё труднее дышать и что-то сдавливало грудь, будто на неё оказались брошены тугие цепи. Руки и ноги немели. И холод, невообразимый холод, словно всё тепло разом ушло из этого мира. Я лежал на изрытом воронками поле, сжимая в кулаке горсть рыхлой сырой земли, зачем-то хватаясь за эту сторону бытия. А мне ни о чём и не думалось, кроме неба. Прямо надо мной оно нависло густыми осенними тучами, но я не чувствовал дождевых капель – быть может, их и не было. Но вот чего мне действительно не хватало, так это кружащих надо мной воронов, которые своим криком оповестили бы округу: «Человек умирает!» Пожалуй, очень уж это образцово – умирать с осенним небом под наждачный крик воронья.

Часть 1 – Гора Мертвецов

Глава 1

Широкий тракт размыло мелкими затяжными дождями. Под колёсами почтового экипажа хлюпало, возничий ворчал себе под нос, раздражённо погоняя меланхоличную клячу. Осень выдалась ранняя, смирившийся с холодами мир уже был у порога летаргических снов. В воздухе слоями висел туман, колючие ветры добирались до самых костей. В тёмном углу повозки жался молодой человек. Кутаясь в плащ, он согревал руки дыханием, то и дело настожённо глядя в окна. Местность была открытая, дорога хорошо просматривалась. Пожухлые дикие поля сменялись пролесками и редкими деревеньками. Сюда ещё не добрались бои, и до первой линии фронта было далеко, но воображение неустанно рисовало снаряд, со свистом попадающий в случайную цель, или шумную стайку пуль, превращающих экипаж в решето. Негодные мысли – осадок от безделья.

Мимо навстречу повозке проехал автомобиль, взбодрил лошадь и оставив за собой чёрный дым выхлопа. Наверное, на железнодорожный вокзал везли офицеров. Сойдя с поезда этим утром, молодой человек тоже рассчитывал на машину с шофёром, но его ждала лишь повозка, запряжённая единственной лошадей: топливо теперь было в большом дефиците. Впрочем, как и офицеры – четыре года боёв забрали многих способных военачальников, оставив армии исполнителей с неясными амбициями.

Натужно тянулась эпоха Девятого передела – девятой масштабной войны, после которой мир обыкновенно меняется в своих границах и принципах. За последнюю тысячу лет человечество уже пережило восемь таких переделов. Первые республики сменялись империями, впоследствии развалившимися, на руинах которых одно за другим вырастали королевства. Утомившись бороться за храмы и святыни, пустили корабли во все стороны океана, открыли новые земли – лишь с тем, чтобы вновь воевать между собой, уже на неизведанных берегах. Мир поворачивался новыми гранями, но старые привычки были неизменны.

И теперь Конмаэл Форальберг, единственный пассажир почтового экипажа, ехал навстречу Девятому переделу, чтобы наконец совершить то, чего так долго избегал, – посмотреть в его лицо, непременно искажённое гримасами.

Через несколько часов свет дня загустел – близились сумерки. Вдали показался высокий холм, местами заросший редким леском. На холме, словно на плечах приземистого великана, стояла массивная старая крепость. Построенная из грубого серого камня с рыжими заплатками новой кирпичной кладки, покрытая копотью времени, испещрённая давними следами снарядов и пуль, она обдавала ощущением навязчивой надёжности. В народе крепость называли Горой Мертвецов, и она имела дурную славу по обеим сторонам фронта. Не много найдётся мест, столь ненасытно поглощающих человеческие души и требующих всё больше и больше. Масло в огне безумия нынешнего времени. Сюда отправляли всех пленных с восточного фронта: солдат, захваченных жителей, вражеских офицеров, изредка попадались и дезертиры. Сюда же привозили некоторых из тех, кто был признан годным к службе в армии. Человеческие ресурсы стремительно истощались, будущие бойцы приходили с каждым разом всё моложе, но фронт по-прежнему нуждался в солдатах с открытыми глазами и твёрдой рукой. Бывшие рекруты спускались с Горы Мертвецов, опираясь на тщательно отредактированную мораль, готовые подчиняться любым приказам. Крепость трудно было покинуть живым. Единжды попав в её объятия, человек умирал, телом или нутром, в зависимости от того, по какую сторону винтовки находился. Двадцать один день каждый новый рекрут очищал себя от сомнений. Двадцать один день и ему предстоит править себя.

Молодой человек внимательно глядел в окно на крепость. Ладони его похолодели, а румянец соскользнул с гладких щёк. Можно долго обдумывать неизбежное грядущее и уговаривать себя смириться, но, когда придёт час и реальность посмотрит прямо в глаза, невольно заобишься такого душного взгляда. Конмаэлу до сих пор удавалось избегать его, и он был на годы старше нынешних рекрутов.

Дорога пошла в гору, лошадь всё чаще стала спотыкаться о камни. Она недовольно фыркала и била себя по бокам хвостом. Вдруг экипаж остановился.

– Ай, да чтоб тебя! – Возничий прыгнул на землю и прошёл чуть вперёд.

Путь перегородила ветхая, подбитая досками телега, гружённая какими-то мешками. Возничий что-то сказал кучеру, дряхлому старику с плешивой бородёнкой, и помахал рукой, подзывая своего пассажира. Конмаэл вышел из экипажа, громко хлопнув дверцей. Ветер тут же бросил ему в лицо пригоршню мелких холодных капель. С телеги слетело колесо. Тащили её два дурно пахнущих мула, а извозчик, помимо растрёпанной бороды, обладал в придачу беззубым ртом и отвратительным бегающим взглядом. Но внимание молодого человека привлекло не это. Телега была нагружена не мешками. Это были люди. Мёртвые люди. Серые лица, ржавые пятна крови на одежде. Расстрелянные. Должно быть, их везли прочь от крепости, чтобы закопать или сжечь. Несколько тел выпало из телеги, и теперь трупы валялись на земле. «Куклы, – мелькнуло в голове юноши. – Они не настоящие».

– Ваш благородие, не примите за дерзость, но не изволите ли подсобить? Быстрее справим – быстрее поедем.

Хриплый голос возничего вывел его из оцепенения. Мужчины скоро приладили колесо на место, и теперь нужно было собрать тела. Твёрдые и тяжёлые, как статуи, в которых будто никогда и не было жизни, они падали друг на друга с глухим деревянным стуком. Всего было семь тел – мужчины, молодые и старые, среди них офицер в грязном потрёпанном мундире, с тёмным отверстием на лбу. И женщина. Молодого человека замутило, но он взял себя в руки и, не позволяя воображению захватить разум, помог затащить упавшие трупы в телегу.

Когда дело было сделано, старик с трудом вскарабкался на козлы, нехотя бросил слова благодарности, по тону неотличимые от проклятий, и, хлестнув мулов, уехал вниз по дороге.

– Вот и познакомились, а, сударь? Дивное место, – мрачно хохотнул возничий, и они поехали дальше. Крепость была уже рядом.

Весь оставшийся путь юноша с силой тёр руки о штаны, стремясь избавиться от недавних прикосновений смерти. Ладони пульсировали и зудели, покрытые невидимой корочкой, отделившей его от мира живых. И как он ни старался содрать её, она оставалась при нём, будто приклеенная.

Вскоре повозка затряслась по брусчатке маленького моста – он сглаживал канаву на теле холма. Приехали.

Ворота были распахнуты. Этим дубовым, грубо окованным створкам было очень много лет, чуть меньше, чем длятся войны на земле, но ничто не позволяло усомниться в их прочности. Внутри оказалось довольно шумно. Повсюду сновали люди, толкались, месили ногами грязь на засыпанной мелким щебнем улице. Пахло немывыми телами и дешёвой выпивкой, сырой воздух был согрет дыханием толпы. Казалось, это и не крепость вовсе, а целый город, спрятавшийся за исполинскими стенами. Это место научилось обеспечивать себя. Сюда заглядывали не только военные и беженцы, но и те, кто ловко шныряет по всем закоулкам людских нужд и умело их удовлетворяет. Война покрывала здесь любое лицо и каждый камень, но за четыре года она стала привычной.

Молодой человек расплатился с возничим и окунулся в толпу.

– Прошу прощения, где мне найти майора Таубе? – спросил он, придерживая за локоть шедшего мимо солдата.

– Он во внутреннем дворе, господин, в башне Правосудия – вон, самая высокая здесь, с флагом. Ступайте напрямик туда. – Солдат криво кивнул и скрылся среди людей.

Двор оказался не таким большим, его делали живым и подвижным лишь люди. Кованая решётка в проёме внутренней стены крепости была открыта. У входа стояла вооружённая охрана из двух человек, они остановили юношу, и тот с готовностью достал из кармана письмо. Один из солдат, пробежав бумагу глазами, коротким кивком позволил посетителю войти. Внутренний двор, просторный и избавленный от шумной толпы, был вымощен брусчаткой. Здесь было тихо, воздух казался свежее. Никого не было. Молодой человек направился к главной башне. Над входом был высечен древний герб с остатками облупившейся краски, на нём олень сражался с бараном. Правосудие.

Конмаэл толкнул дверь, и она со скрипом отворилась. Внутри стояло несколько столов, за ними офицеры шумно справлялись с бумажной волокитой. Было тепло, в очаге горел огонь, зал освещали яркие электрические лампы. На высоких стенах висели гобелены, подёрнутые чадом прошедших лет, узкие окна далеко вверху едва пропускали остатки дневного света. Массивные балки перекрытий вобрали в себя многовековую копоть от факелов и свечей.

Юноша окинул взглядом зал и, ни к кому точно не обращаясь, спросил, можно ли увидеть майора. Один из офицеров молча кивнул в сторону дальнего стола. Там, склонившись над картой, стоял высокий сухой человек с длинным крючковатым носом. Залысины, короткая борода цвета серого пепла, цепкий взгляд и едва уловимая тень, окутывавшая его, – весь его облик очень подходил этому месту. Движения его были медленными, но неожиданно резкими на самом конце жеста. Он оторвался от бумаг и поднял вопросительный взгляд на Конмаэла, тот в ответ отдал командующему помятое письмо.

– Ну что ж, господин Форальберг, – сказал тот, прочитав его и отложив в сторону, – приветствую вас в наших рядах. Слышал о кончине вашего отца, соболезную. Поговаривают, его заводы перешли нашему дражайшему монарху и его министрам, и теперь их станки крутятся во имя защиты отечества?

– Да, господин майор, истинно так.

– Тогда вы можете гордиться своим нынешним положением. Вы послужите армии лично, пока опытные руки управляют заводами почившего Альберта Форальберга. Позвольте предупредить, что, несмотря на ваш титул, сперва вас ждёт учебная часть, и лишь после этого в подчинение к вам поступят боевые единицы. Какое-то время вы будете находиться в положении, равном прочим рекрутам, и выполнять равные же с ними задачи.

– Безусловно, господин майор. Я не офицер и никогда не обучался военному делу. Меня учили строить, а не разрушать. И, прошу прощения, я не испытываю никакого восторга от того, что нахожусь здесь.

Майор ненадолго задержал брезгливый взгляд на лице юноши, затем жестом пригласил его следовать за собой. Пройдя через незаметную дверь, они оказались в другом дворе, не столь просторном, как предыдущий, но таком же пустом. Одна из каменных стен была сплошь в грязно-бурых потёках, как и брусчатка под ней.

– Никто из находящихся здесь людей не испытывает восторга, господин Форальберг. Вы знаете, что это за место и что тут происходит. Зарвавшись белоручек я не потерплю, какой бы титул они ни носили. Вы привыкли к светским раутам, вас тяготит война, вам мерзко оттого, что приходится быть к этому причастным? Поздно думать об этом. Вы здесь. Просто выполняйте поставленные задачи. Не стоит рассуждать, нравится вам это или нет. Никому не нравиться.

Майор отступил на пару шагов, колюче впиваясь в него ястребиными глазами. Конмаэл молчал.

– И прошу, сударь, не скулить, когда сотрёте в кровь свои белые руки. – Тут он внезапно смягчился, словно прогнал неприятные мысли, и тоном гостеприимного хозяина пригласил: – А теперь, господин Форальберг – прошу! Время приобщиться ко всеобщему действию.

Грубая солдатская форма была много раз перестирана, но никакой порошок уже не мог отбить затхлого запаха моральных нечистот, в котором погрязла Гора Мертвецов. Рубаха царапала тело, сапоги были не по размеру и местами потрескались. Штаны и камзол были вроде бы поновее и без заплат, но так же неприятны на ощупь. Снабжение армии скудело с каждым годом, и если эта война продлится ещё хотя бы в половину прошедшего срока, то скоро станет войной нищих с нищими, и природа вернёт им в руки копыя и камни.

Под казармы были отведены бывшие комнаты обслуги, коей здесь было немало в прежние времена. Где нужно сломали стены, поставили вплотную железные двухъярусные кровати. Каменную кладку прикрыли деревянными панелями, спрятав под них сухую солому. Сырость нынешней гнилой поры постоянно пыталась проникнуть в помещение, а вместе с ней и болезни. Командование не жалело дров: для солдата мокрые ноги многим хуже пустого желудка.

Конмаэл Форальберг не имел желаний строить какие-либо связи. Впервые войдя в тёмную казарму, где солдаты готовились провалиться в тревожные сны, он лишь едва кивал тем, с кем встречался взглядом, и сразу отводил глаза. Дойдя до своей кровати на нижнем ярусе, он притворился, будто тут же уснул, однако на самом деле ещё долго бодрствовал, пытаясь урезонить предательские мысли.

Слух улавливал каждый звук, выделяя его из общего гомона, будь то кашель, скрип или приглушённый разговор. Запахи били его в нос, так же отслаиваясь один от другого: пыльная одежда, пот, резина старых сапог. Взгляд цеплялся за плавающие тени. Форальберг чувствовал себя здесь лишним, ему хотелось оказаться где угодно, хоть где-нибудь, но только не на этой жёсткой кровати, погрязшей в звуках и запахах. Внутри всё противилось новому витку жизни, но иного выбора у него не было.

Конмаэл Форальберг родился в семье дворянина-промышленника. Мать скончалась рано, сражённая лихорадкой, отец же мало интересовался судьбой сына: со смертью жены в нём умерло всё, что делало его семьянином. Он был отцом настолько, насколько его обязывало это звание, и такое положение устраивало обоих. Конмаэл учтиво держался с ним на приёмах и званых ужинах, давал разумные комментарии, когда мужчины обсуждали промышленность, но он не был привлечён к управлению и не стремился занять место наследника многочисленных заводов. Юноша выучился на архитектора и, опираясь на титул и мечты о новых городах, спрятался от войны в столичной строительной конторе. Альберт Форальберг, напротив, всё более погружался в торговые отношения войны. Его заводы обрабатывали металл. Они делали рельсы для железных дорог, по которым шли эшелоны с солдатами и лошадьми, вагоны, гружённые провизией и боеприпасами. С начала войны прошёл уже год, когда парламент вынудил всех, кто способен производить оружие, делать это в немыслимых масштабах. Войной стали одержимы все, от мала до велика. Женщины шили и отправляли на фронт солдатскую форму, старики собирали деньги на табак, а дети во дворах разыгрывали миниатюры сражений. Война ещё не стала омерзительным мором, она гордо несла над головой патриотическое знамя, призывая сплотиться и подраться, ликуя, воззвать к внутренней ненависти и подраться снова. Конмаэла Форальберга война не смогла заразить своей бравадой. Он продолжал работать в столичной конторе, чертить планы зданий, которые когда-нибудь построит. И, хотя спрос на услуги архитекторов почти пропал, он понимал, что по окончании войны кому-то придётся восстанавливать былой мир, и хотел быть первым, кто окинет взглядом руины и на прахе боевых действий воздвигнет новые города. Он возродит из пепла жизнь, нечто свежее и прекрасное заполнит пространство, когда вся пролитая кровь просочится в недра и будет похоронен

последний убитый. Конмаэл смотрел из окна конторы на улицу, по которой ровным строем уходили на фронт мужчины. Они браво чеканили шаг по брусчатке, их лица сияли. Прохожие кидали им под ноги цветы и выкрикивали слова признания и уважения. Неоднозначные чувства раздирали его тогда: едва уловимый стыд за непричастность растворялся в дымке видений – на этих молодых солдатских лицах он видел жуткие раны, алые потоки крови струились по их улыбкам и пятнами растекались по мундирам. А они не замечали этого, они гордо ступали по усыпанной цветами улице.

Со временем жизнь истощилась. В конторе стало меньше света и тепла, и люди оскудели. Одни ушли на фронт, другие до такой степени осунулись, что их лица стали прозрачными, а души невесомыми. Потом отец Конмаэла умер, скоропостижно и неожиданно – недуг поразил его сердце и поставил точку в этой жизни, оставив миру его заводы, его оружие и сына. Через три дня после похорон Альберта Форальберга король издал, а парламент охотно одобрил указ, согласно которому все заводы почившего переходили государству, ибо в условиях военного времени страна нуждается в столь обширных производственных мощностях. Ещё несколько дней спустя к младшему Форальбергу пришли два человека в форме. С каменными лицами они промаршировали через всю контору, вручили Конмаэлу повестку и вывели его из кабинета. Коллеги смотрели на него молча и равнодушно, впрочем, некоторые не без слабого сочувствия. Солдаты ждали его в дверях особняка, пока он собирал вещи и давал дворецкому последние указания, потом сопровождали на шумный вокзал и избавили его от своей компании, только когда поезд отошёл от платформы. Тяжёлая махина медленно набирала ход, дымила, как дракон с папирсой, гудела, стучала и шипела паром, увозя Конмаэла из столицы.

Калейдоскоп чувств, пережитых им за последнее время, сплёлся в тугий узел в груди. Форальберг-младший никогда не был открытым миру, запирая все эмоции внутри себя. Отец умер – он сожалел, но словно смотрел на своё сожаление издали, не решаясь приблизиться. С самого первого вечера он ждал людей в форме, готовился, но так и не смог заставить себя спокойно воспринять новую реальность. Конмаэл никогда не принимал ничьей стороны. И тем больше всего ему претила война: она отбирала все шансы оставаться наблюдателем.

И теперь, надев поутру эту колючую, неприятно пахнущую форму, он стоял растерянный, не узнавая себя. Теперь ему придётся вступить в конфликт, стать причастным, обзавестись твёрдым мнением и приспособиться к новой морали. А её следует втолковать себе покрепче, иначе здесь не выжить.

Едва рассвело, майор Таубе собрал вновь прибывших во внутреннем дворе перед башней Правосудия. Конмаэл был самым старшим из рекрутов и стоял с краю их неровной шеренги. Новобранцы серьёзно глядели перед собой.

Низкие облака и противная морось, ложившаяся на лицо мокрой паутиной, словно провожали Конмаэла в неведомую даль. Он стоял, не в силах побороть тревогу, и слушал речь майора будто через поглощающую звук заслонку.

– Господа рекруты! Добро пожаловать. Великая честь теперь вам подруга – честь быть защитниками своей страны. Это непросто, этому нужно учиться, потому как в таком деле не должно быть ошибок. Вы здесь именно с этой целью – стать достойными той задачи, которая будет поставлена перед вами на фронте. Человеческая натура несовершенна. Даже не сомневаясь в шакальей сути врага, многие солдаты тем не менее впустую растрачивают патроны. Закрывают глаза, стреляют в воздух. Барьер, не преодолеть которого – позорно, но этим позором покрывают себя очень многие. Вы не из таких. Недельный курс лекций и двадцать один день расстрелов сделают из вас солдат, заслуживающих доверия. Поверьте, даже простой рядовой, метко стреляющий из окопов, вызывает гордость у командования и короля, – майор выдержал паузу, скользя взглядом по молодым лицам. – Не питайте иллюзий. Вы будете убивать – много, быстро и без сожалений. Кого жалеть? Наш враг – не человек. Его звериная морда коснулась каждого из нас, покусав родных и друзей. Эта морда не хочет мира, она хочет разорвать

в ключья всё, до чего дотянется. Вы, именно вы, должны быть сильными ради того прекрасного и мирного будущего, которого мы все так жаждем. Кровь, которую вы прольёте, – честная кровь! Впервые вы пустите её здесь. И дальше, став гордостью нашей армии, вы пойдёте на фронт и будете лить её там. Вы будете с честью делать это, пока враг – не человек, шакал, – не уберётся с нашей земли, поджав хвост. Пока не издохнет, перестав быть угрозой спокойному и справедливому миру. Вы готовы к этому?

В ответ раздалось лишь невнятное мычание и несколько неуверенных «да». Таубе прищурился и как будто улыбнулся, и подал знак солдату, стоявшему у дальней двери. Тот постучал в неё, и конвой вывел во двор грязного, заросшего, закованного в кандалы человека. В его лохмотьях угадывались остатки военной формы, босые ноги были покрыты кровавыми язвами. На вид ему было около сорока, в глазах суетилось безумие.

– Поглядите, господа. Это не человек. Это шакал. Он со своим отрядом бесчинствовал на наших землях, распорядился поджечь несколько домов в деревне, чтобы выгнать жителей. Этот негодяй и его пособники ободрали кожу с мужчин, изнасиловали и зарезали женщин. Не пощадили и детей. Какую судьбу мы уготовим ему и всем подобным?

Внезапно пленный громко закричал, крик превратился в смех. Он выхватил из-за пазухи острый кусок металла и с хохотом бросился на конвой. Солдаты отскочили, но Георгий Таубе молниеносно выхватил пистолет и выпустил в безумца четыре пули. Тот грузно рухнул на брусчатку. Из-под мёртвого тела потекла тёмная кровь.

Рекруты молча смотрели на происходящее.

– Это не человек, – повторил майор, убирая оружие в кобуру. – Он безумен и готов лишь убивать. Наш мир нуждается в вас, чтобы не дать этой чуме поглотить все земли. Вы должны искоренить в себе малейшие проявления жалости – это единственный путь к победе. Я верю в вас. Идите и научитесь достоинству, отличающему хорошего солдата от плохого.

Майор отступил в тень башни и скрылся за дверью.

Шеренга смешалась, и будущие защитники направились в зал бывшей библиотеки, где должны были начать обучение. Конмаэл задержался, отстав от других. Он не мог оторвать взгляда от мёртвого тела. Расходились все, даже конвой. Его что, вот так оставят лежать здесь? Или тот старый возница с гнилым ртом заберёт его, свалит в телегу и увезёт прочь от крепости? Он подошёл ближе. На вид лужа крови была тягучей и липкой, от трупа дурно пахло. Глаза убитого были закрыты. На лице застыла безумная гримаса, последняя в его жизни.

– Эй, благородие! Форальберг! Чего застрял? Марш с остальными! – Грубый оклик сержанта вывел Конмаэла из оцепенения.

Выдохнув железно-гнилостный запах смерти, он подчинился и быстрым шагом проследовал за остальными в узкие коридоры крепости. Он был почти уверен, что майор Таубе держал руку на кобуре задолго до того, как пленник допустил стойвшее ему жизни безумие.

Из дневника Конмаэла Форальберга

13 октября

С первых дней Гора Мертвецов стала мне совершенно отвратительна. Всё моё естество восстаёт против этого места. Я готов находиться где угодно, но только не здесь. Тут скверные запахи и дурные привычки, гнилые души, в которых нет никакого огня. Пламень войны, долженствующий проходить через весь быт такого места, как это, давно угас. Мне не встретилось пока ни одного лица с отблеском мысли, ни единого жизненного порыва, кроме самых низменных. Во всём здесь ощущается особая степень гниения, это трудно объяснить. Её не уловишь в заплесневелом хлебе или отсыревшей соломе, это нечто иное, чего нельзя ухватить, но можно впитать. Здесь всё стремится к равнодушию, потому что это самый верный способ пережить происходящее. Стены тут вобрали в себя запах крови, он слышится везде, и перебить его неспособны даже запахи казармы. Сколько же здесь скитается духов? Ведь это всё,

что осталось от нашедших на Горе Мертвецов свой закат. Мне страшно спать по ночам, мне чудится, будто однажды все эти духи соберутся в единую невидимую силу, полную ненависти, и уничтожат эту крепость. Я бы не стал возражать. С той самой минуты, когда мне пришлось перетаскивать в телегу выпавшие трупы, я бы не стал возражать. Тогда, коснувшись холодных тел, я будто заразился недугом, поразившим это место.

Неделя, всего лишь неделя здесь, и я только подхожу к порогу этого языческого храма, где мне предстоит обратиться в нечто иное. Мы изучили оружие, тактику, возможности врага и свои собственные. Мы слышали, как казнят пленных, только хлопки выстрелов, но даже от этих звуков на мгновение останавливалось моё сердце. Я представлял, как льётся кровь из их ран. В таком месте, как это, она льётся без видимых причин – просто струится по ходу движения во времени, как утренний кофе в чашку. Осознаёт ли здесь хоть кто-нибудь ценность человеческой жизни? Мне никогда не приходилось думать о подобном. Смерть, даже насильственная, всегда была для меня чем-то естественным, подчиняющимся природе. Как простая часть жизни, спокойно принимаемая мной по мотиву непричастности. Когда майор Таубе застрелил безумца в кандалах, и я увидел, как душа, пусть и такая грязная, покидает тело, меня посетила мысль: а насколько естественна эта данность? Насколько эта смерть сейчас – лишь эпизод в нормальном ходе вещей, и не более того? Я могу попасть в плен и оказаться на месте этого безумца. Разве я не такой же враг для них, каким он был для нас? И буду ли я, лёжа в луже собственной крови, считать это таким же естественным?

Я нахожусь в постоянном напряжении, как зверь, в любой момент готовый к нападению. Короткие часы сна не приносят расслабления, и кажется, что скоро у меня начнёт сводить плечи от непрекращающейся тревоги. Сейчас я жду лишь одного – первой казни. Даже от мысли об этом меня начинает трясти, и я не в силах совладать с такой дрожью. Все мы обязаны подчиняться этой махине, созданной чужой волей. Никто из тех ребят, кто оказался со мной в этом диком походе, не хочет стрелять в людей. Чёрт побери, да иначе не было бы этого места. Солдаты сразу бы уходили на фронт, где их командиры были бы уверены в точности их выстрелов. Но они заставляют нас. Меняют нас. Вырывают с корнем нашу природу и сажают в образовавшуюся пустоту семена каких-то экзотических, ядовитых проявлений. Как мне остаться собой? Нет ответа. Нет ответа. Никогда я не думал, хороший я человек или плохой, просто был какой есть. Теперь же мне отчаянно необходимо верить, что я всё-таки был хорошим, закрепить это как данность хотя бы в собственном прошлом. Будущее – густые заросли тёрна, через которые мне ещё предстоит продираться. Кем выйду оттуда? Нет ответа.

В миру о Горе Мертвецов говорили вполголоса. Слухи, которыми обросла крепость, густели и зацветали плесенью. Неловкие осуждения в отдельных газетах и в тёмных углах за колоннами особняков на светских вечерах, рассеивались почти сразу. У простого же народа эти толки вызывали то страх, то благоговение. Поговаривали, что есть и другие места подобного рода, учитывая масштабы фронта и потребность в подготовленных солдатах. Как бы то ни было, в отвлечённых фантазиях или терпкой реальности, Гора Мертвецов – что монета о двух сторонах, и для большинства не было иного выбора, кроме как класть её перед собой сверкающей решкой. Способность, оказавшаяся Конмаэлу не по силам.

Он был по натуре молчалив и плохо сходился с людьми. Остальные рекруты не были ему ровней ни по возрасту, ни по положению, они были запуганы, скрывая это под бравадой. Он будет офицером, все они – рядовыми солдатами, пушечным мясом, пускай даже высшего сорта, и это ставило их на долгую дистанцию друг от друга. Он один сидел на занятиях в библиотеке, один ел в потемневшей от чада веков столовой и ни с кем не перебрасывался парой слов, прежде чем провалиться в сон. Конмаэл запретил себе думать о какой бы то ни было связи с этим местом и гнал от себя все вопросы с раздражением пса, стряхивающего блоху. Скоро он

уедет отсюда, и недуги ненавистной крепости останутся лишь в памяти. Уйдут, вытесненные новыми.

Неделя занятий завершилась так скоро, что отрезок времени показался точкой. Не осталось больше ни дней, ни часов на призывы к смирению, что так и не пришло.

В день, на который был назначен первый расстрел, рекрутов собрали в небольшом дворе за башней Правосудия. Несколько офицеров заняли позиции вдоль стен. Конмаэл узнал бурые потёки на камнях, но теперь их природа была ему ясна и почти не пугала. Ремень тяжёлой винтовки оттягивал плечо.

Майор вышагивал перед ровным строем рекрутов, бросая на них цепкие взгляды – опрятно ли одеты, хороша ли выправка. Уголки его рта были всегда опущены, и судить, остался ли он доволен, было трудно. Солнечный свет, хило пробивающийся из-за облаков, ложился на лица размытой серой вуалью.

– Господа рекруты! Вы начинаете практиковаться. Без заминки стрелять во врага – главная обязанность любого солдата на войне. Я хочу, чтобы вы знали – ваша дурь, если она осталась, мне не нужна. У вас было достаточно времени, чтобы собраться с мыслями и подготовиться к тому, что должно произойти. Тот, кто в боевых условиях осознанно стреляет в цель, на войне на вес золота. Человеку сложно пустить пулю туда, где ей самое место, – таково несовершенство нашей природы. Но вы не простые люди, вы солдаты короля, и вы преодолеете в себе эту слабость. Таким, как вы непозволительно струсить и заклеить себя позором, отвернуться от доблести, обещанной вам самим провидением. – Майор отрывисто кашлянул, будто у него запершило в горле. – К делу. В ваших винтовках по одному патрону. Первый раз стреляете с близкого расстояния. Вас семнадцать – я надеюсь насчитать семнадцать отверстий в теле. За каждым из вас будет наблюдать сержант – и так все дни, пока вы будете расстреливать пленных. Ваше неповиновение будет караться согласно закону военного времени. Что есть положительный пример, господа рекруты? Вы целитесь, не закрывая глаз, не размазывая под носом сопли, нажимаете на спусковой крючок по команде, и все мы видим результат. Ясно?

– Так точно! – хором выкрикнули рекруты. Эхо их голосов тут же поглотили высокие каменные стены.

На сей раз майор Таубе удовлетворённо кивнул.

– Будущий офицер Форальберг! – позвал он, не глядя на Конмаэла. – За мной!

Они прошли через небольшую дверь в башне. Темноты и духоты на этот раз скопилось здесь многим больше, чем в день его прибытия в крепость. В центре стояли конвойные, держа под руки закованного в кандалы человека. Это был мужчина крепкого телосложения, облачённый в бесформенные лохмотья, с холщовым мешком на голове. Он был спокоен и более всего походил на пугало с деревенского огорода.

Майор Таубе встал чуть поодаль от пленника и заговорил нараспев с нотками чистого железа в голосе:

– Нам неважно твоё имя и неизвестен твой род. Тяжесть твоих поступков перевешивает всё, что могло бы спасти твою душу. Ты изгоняешься из рода человеческого, и я приговариваю тебя к смерти.

Его голос стремился ввысь, под своды, но ударялся о деревянные перекрытия и навсегда застревал в них, и финальный виток правосудия впитывался в стены башни. Короткий и обезличенный, приговор показался Конмаэлу магическим заклинанием.

Пленный ничего не ответил и даже не шелохнулся. Конвой грубо вывел его во двор. Следом вышел майор, за ним Конмаэл.

– Построиться!

Рекруты поджали и без того стройную шеренгу напротив стены со ржавыми потёками. Там уже поставили пленника. Он был по-прежнему спокоен. Мешка с его головы не сняли, и это создавало иллюзию лёгкой задачи.

– Оружие с плеча!

Двор на мгновение наполнился звуком потревоженных винтовок. Конмаэл почувствовал глубокие толчки своего сердца. Оно вдруг стало тугим и юрким и забилося о рёбра.

– Целься!

Во рту пересохло, ладони вспотели, перед глазами поплыли круги, и ему пришлось часто моргать. Нажать на спуск, просто нажать на спуск, одно движение пальца, одно, просто нажать на спуск и ни о чём не думать.

Руки и ноги онемели. Конмаэла замутило. Он отчётливо ощущал каждую свою клетку, мельчайшую частицу себя, и ему было так скверно, как никогда в жизни. Ожидание обволакивало сознание своей липкой сущностью.

– Огонь!

Голос обрушился откуда-то сверху, предвкушая силу тысячи громов. Все рекруты нажали на спусковые крючки, воздух наполнился треском разрывающихся патронов. Конмаэл почувствовал, как при отдаче приклад мягко ткнулся в его плечо, и крепко зажмурился. Запахло палёным. Он целился в пленника, но почему-то был уверен, что промахнулся. На мгновение он выпал из душевной реальности, и, хоть частицы пороха и щекотали ноздри, ему почудилось, будто это он стоит на месте приговорённого, это он – тот, кого сейчас расстреляли. Он словно перелетел туда и оказался перед самим собой, исполненным страха и ничтожества, застывшим с винтовкой у плеча с закрытыми глазами.

Наконец Конмаэл решился посмотреть.

Пленник стоял у стены как ни в чём не бывало, совершенно невредимый.

– Господин майор, – пролепетал один из рекрутов, – клянусь, я стрелял в него, господин майор, в голову стрелял!

– И я!

– Я тоже стрелял!

Георгий Таубе смотрел на них, как довольный хищник, предвидящий манёвр своей жертвы.

– Молчать! Оружие на плечо!

Разговоры стихли.

– Каждый из вас сам решит позже, какой урок следует из этого извлечь. Я сказал, что в ваших винтовках по одному патрону – я говорил о боевом. Этот был холостой. Теперь настоящие. Сержант!

– Оружие с плеча! Перезарядить!

Конмаэла пробила дрожь: «Что же, это всё был балаган? А сейчас? Сейчас его нужно будет убить? Это нереально и происходит не со мной. Меня расстреляли только что, я был там и теперь умираю в бреду и агонии, вот где я. В бреду и агонии».

Но он снял с плеча винтовку и щёлкнул затвором, зарядив следующий патрон.

– Целься!

И почти сразу же:

– Огонь!

И снова воздух сотрясли хлопки выстрелов. На этот раз отдача ударила по плечу в полную силу. Теперь никто не зажмурился, желая убедиться в отсутствии подвоха, и все увидели, как глухо, будто мешок с мукой, падает на землю тело, медленно обагрясь кровью.

Конмаэл тоже не закрывал глаз и видел, как стая пуль ворвалась в пленника, по-прежнему спокойного и молчаливого, как по его грязной рубахе расплзлись пятна, как он рухнул наземь.

В ушах зазвенело, нещадно разболелась голова. Одного из рекрутов вырвало, но никто не обратил на это внимания.

Сквозь пелену до слуха донёсся какой-то грубый голос. Чей-то приказ?

Сержанту пришлось повторить:

– Оружие на плечо!

Прошло время, пока рекруты очнулись, оторвали глаза от трупа и выполнили команду.

– За ужином получите вино, – тон майора смягчился. – На сегодня всё. Вы молодцы, господа рекруты. Разойтись.

Георгий Таубе тенью удалился в башню свершившегося правосудия.

Налетел порыв холодного ветра, толкнув Конмаэла в плечо. Всё было кончено.

Вечер того дня рекрут Форальберг помнил смутно. За ужином было необыкновенно тихо, и даже сладкое вино не согрело замерших внутренностей и не растопило мыслей, катающихся по кругу ледяным шаром.

Казалось, что главное испытание пройдено и больше подобного не случится.

Перед рассветом следующего дня Конмаэл сидел в углу библиотеки при пламени чадающей керосиновой лампы. Пока все спали, он пытался собраться с мыслями и записать в дневник впечатления от прошедшей казни. «Я убил» – эти слова монолитным грузом легли на бумагу, засвидетельствовав свершившийся факт. Они будто не требовали дальнейших пояснений, оставаясь пугающе самодостаточными. Завитки не хотели складываться в буквы, а буквы в слова.

Будущий офицер смотрел на жёлтый огонь керосинки, разгонявший предрассветную тьму. Иногда он начинал дёргаться, и тогда тени плясали вокруг в диком неистовстве, словно пытаясь втянуть Конмаэла в свой языческий танец. Его разум постепенно успокоился, но оставался пустым, хоть юноша отчаянно желал передать бумаге всё, что с ним происходит. С тех пор как Конмаэл свернул с привычной дороги, он ощущал за собой трансформации, и хотел помнить, какими они были раньше – он сам и мир вокруг него. Когда-нибудь позже он взглянет на себя прежнего с тоской, с гордостью или с отвращением, снизу или с высоты своего будущего «я». Когда-нибудь позже.

Мрак библиотеки стал постепенно рассеиваться.

Конмаэл вертел в пальцах ручку, постукивая ею по столу и глубоко уйдя в безмыслие.

Дверь библиотеки отворилась с неуклюжим скрипом. Конмаэл вздрогнул и вернулся к реальности. Вошёл человек, которого он раньше не видел. Это был высокий и плотный солдат, с белокурыми кудрявыми волосами и крупным глуповатым лицом.

– А! – воскликнул он, и этот возглас разорвал священную тишину рассвета. – Спозаранку за книгой, рекрут?

Он сказал это совсем не враждебно и даже с улыбкой, отрывисто хохотнув, но у Конмаэла его слова вызвали лишь раздражение.

– Думаю, это не возбраняется, – нехотя ответил Форальберг.

– Нет, конечно, нет. Слыхал, у вас вчера была первая казнь?

– Была.

Незнакомец протянул что-то нечленораздельное и напустил на себя печальный вид, став комично похожим на провинившегося пса.

– Ну это ничего, да, ничего. Мерзкое дело наше, но нужное. Да, работа такая. А я вот тут тоже... пораньше... токмо не за тем. – Солдат вмиг сбросил тоскливую мину и изобразил таинственность. Очевидно, он ждал расспросов, но его собеседника нисколько не интересовала цель его визита.

– Прошу прощения. – Выдержав паузу, Конмаэл встал, собрал свои вещи и направился к выходу.

– Ну, бывай, – запоздало бросил ему вслед здоровяк, но и здесь не получил ответа: рекрут вышел из зала не обернувшись.

Конмаэл едва удержался, чтобы не хлопнуть дверью. В нём змеей завертелась злость на непрошеного гостя, который так грубо нарушил столь необходимое ему уединение. Неотёсан-

ный деревенщина. Перед глазами встала чёткая картина расстрела, запылила алым, и неспособность выразить словами то, что он чувствовал, лишь подогрела его раздражение. Сердце забило сильнее, внутри комом нарастало что-то тяжёлое и раскалённое. Дыхание участилось, будто невидимые меха раздували рождающуюся внутри злую энергию. Конмаэл сам не заметил, как оказался в маленьком дворике за башней Правосудия и встал напротив окровавленной стены, сжав кулаки, готовый в любую секунду сорваться с места. Демоны раздирали его изнутри, волна ненависти накрыла его, разум помутился. Он закричал. Вырвавшийся звук напоминал рёв – так трубит раненый олень, неготовый к скорой смерти. Конмаэл бросился на стену, как в последний бой. Он рычал, бил кулаками по шершавому камню, каждый удар резкой болью отдавался в руках до самых плеч, но он не замечал ничего и не знал ничего на этом свете, кроме того, что нужно бить стену. В сознании вспышками, сменяя одна другую, возникали картинки: удар – человек с мешком на голове смиренно стоит во мраке башни, ещё удар – треск выстрелов разносится по округе, но человек стоит, следующий удар – пленник оседает и падает, облачаясь в красное.

Отдав гневу все силы, Конмаэл привалился плечом к ненавистной стене и стал пинать её сапогом. Из глаз его потекли слёзы. Они обжигали, мешали дышать, их солёный привкус сливался с запахами крови и камня. Ноги у него подкосились, и он сел на холодную брусчатку, уронив голову на руки. Дыхание постепенно выровнялось.

– Рекрут Форальберг! – голос майора разрезал утренний воздух. Конмаэл поднял на командира тяжёлый взгляд.

– Встать.

Ничего не произошло. Он всё так же глядел на майора, молча, с усталой мутной злостью.

Таубе в три широких шага подошёл к нему, схватил за шиворот и рывком поставил на ноги.

– Я сказал встать.

Конмаэл устоял, но продолжал молчать. С его рук вяло капала кровь, веки распухли, в ушах звенело.

– Выпей. – Майор достал из кармана флягу и вложил её в руку рекрута. Тот попытался отмахнуться.

– Пей, говорю.

Конмаэл отвернул крышку и сделал глоток. Рот и горло обожгло крепким алкоголем, это обратило его к реальности.

– Теперь ты готов меня слушать?

– Да, господин майор, – хрипло ответил он.

Выдержав паузу, Таубе заговорил, хмуро глядя на Конмаэла:

– Тебе невыносимо трудно принять то, что с тобой происходит. Труднее, чем остальным.

Другие рекруты ещё даже не стали мужчинами, но простых людей война касается охотнее – у каждого из них кто-то погиб, каждый заранее знал, что попадёт на фронт. Их внутреннее устройство проще, и они рады быть здесь, а не сразу в пекле. Большинство новобранцев на передовой гибнет в первом же бою. Они более открыты тому, что сейчас делают. Ты же варился в другом котле и даже не мыслил о таком исходе. Твоё отношение понятно. Но вот в чём штука – это не имеет никакого значения. Сейчас условие задачи одно – действовать. А не думать о своём отношении к происходящему и не задаваться десятками бессмысленных вопросов. Твоё дело – нажимать на спусковой крючок и отправлять пули в цель. Не думай о казнённых как о людях. Это не твои друзья из соседнего поместья и даже не твой лакей или конюх. Они из тех, кто отправляет твоих друзей и твоих лакеев в могилы. И у тебя сейчас есть прекрасная возможность делать то, что должен делать всякий солдат, и при этом без особых усилий. Ты не рискуешь жизнью и не мёрзнешь в сырых траншеях. Куда уж проще. Будь мужчиной, Конмаэл, уже пора. Соберись. Мы поняли друг друга?

Рекрут наконец поднял глаза на командира – всё это время он слушал его, глядя в одну точку на брусчатке.

– Да, господин майор.

– Хорошо. Скоро построение. Сходи в медпункт, пусть тебе забинтуют руки, и возвращайся в строй. Ступай.

Конмаэл, ничего не говоря и не меняясь в лице, прошёл мимо Таубе в крепость.

Следуя указанию майора, он сперва отправился в медпункт. Медсестра замотала бинтами его саднящие кисти, не задавая лишних вопросов, – перевязка прошла в полной тишине. Потом он возвратился в казарму, где уже прозвучала команда «подъём», спокойно вышел на построение, молча позавтракал. Рекруты с удивлением поглядывали на его забинтованные руки и тихо перешёптывались, но никто не посмел обратиться к нему. А потом, когда перед очередными лекциями выдался свободный час, он вернулся в библиотеку, открыл дневник и, ни минуты не размышляя, записал всё о состоявшемся накануне расстреле.

Глава 2

Из дневника Конмаэла Форальберга

15 октября

Я убил.

Теперь, когда я пишу это, сидя в библиотеке, мне видится это полусном, полузабытьём. Мои руки забинтованы: разбиты о каменную стену. Я убил, а боюсь, что умер. Первые патроны в винтовках были холостыми. Я не знаю, что это за извращённая и мерзкая психология, но тот самый выстрел был точкой невозврата. После треска залпов и запаха пороха часть меня словно отделилась от тела и воспарила над происходящим. Мне почудилось, что на месте пленного был я. Среди стрелявших тоже был я. И когда мой палец надавил на спуск и приклад уткнулся в плечо, эта мнимая, но самая реальная из всех пуля попала аккуратно мне в грудь. Пленник остался стоять, а я упал, корчась в агонии и захлёбываясь кровью – я всё это видел со стороны, жалел себя и брезговал собой.

Следующие патроны были настоящими.

Тот человек, он был молчалив и спокоен. Быть может, его опоили чем-то или его смирение вышло из берегов рассудка и заполнило собой даже инстинкты выживания. Хочу ли я погружаться в размышления о его судьбе и жизни, которые уже прерваны, в том числе и моей рукой? Едва ли. Но он человек. И мне перед ним стыдно.

Принятие моего теперешнего качества оказалось невозможным. Поутру я очутился там, где накануне всё свершилось, и разбил кулаки о стену. В тот момент она олицетворяла для меня всё, чему я был обязан противостоять – дрянные лапы смерти, выстрелы, зловонную кровь. И я проиграл эту схватку. Треклятые камни остались стеной, новый я остался новым собой.

Но полыхавшая ярость спалила пелену неведения, укрывавшую мой разум, и теперь я знаю, как поступить. С меня сошёл первобытный ужас перед произошедшим. Мне видится теперь, что всё, о чём я прежде думал в жизни, не стоит и малой толики того, что открывается мне в вынужденном смирении. В столкновении с гранями своей сущности, вытесанными недавно в новых цехах, с гранями острыми и, опять же, вынужденными. Чьё будущее от меня сокрыто.

Меня призывают делать свою работу и не думать о заключённых как о людях. Великая честь оказана мне – с непреступной лёгкостью избавлять мир от этих существ.

Я растерян. В другой стране – такие же люди. Их заботы мало отличаются от наших, их мучают те же демоны: они бывают раздражительны, устают, болеют, переживают. Они счастливы, они несчастны, но они есть и дышат тем же воздухом.

И их учат ненавидеть нас точно так же. На разум легко набросить саван, особенно если он велик и подготовлен для целой нации. И когда развязавшие войну сталкивают эти укрытые от человечности силы, не остаётся другого выбора, кроме как обороняться. Этот снежный ком нарастает, когда взаимная ненависть завладевает людьми. И, пока они воюют, уверенные в том, что делают правильный выбор, те, другие, проводят свои дьявольские сделки. Это всё очевидно и глупо, но мы поддаёмся этой глупости с пугающим воодушевлением.

Я осознаю: всё, что я делаю, и всё, что происходит здесь, неправильно. Такая незатейливая мысль из детских уроков нравственности – «это плохо» – без пространных измышлений и ответвлений из «но» и «вопреки». Я оставляю всё неизменным и недополненным. Это плохо. Мои дальнейшие поступки должны опираться на эту простую истину, и, возможно, это даст иной знаменатель моему раздробленному существованию. Я даже не стану просчитывать все последствия. Я хочу остаться человеком и видеть, что у стены передо мной тоже стоит человек. Скинуть саван, пока его тяжесть не погребла меня под собой.

«Какой мягкий и солнечный день», – подумал Конмаэл, стоя среди офицеров Горы Мертвецов. Даже башня Правосудия заиграла светом, когда солнце безропотно заглянуло в него-степриимные окна. Повсюду витала пыль, и теперь, в ярких косых лучах, она была заметнее всего. Было приятно наблюдать, как потоки воздуха закручивают её в несмелые вихри, и крохотные её частички беспокойно копошатся в пространстве. Конмаэл находил идиллию в этом хаотичном движении и отвлечённо радовался ей.

– Нам неважно твоё имя и неизвестен твой род. Тяжесть твоих поступков перевешивает всё, что могло бы спасти твою душу. Ты изгоняешься из рода человеческого, и я приговариваю тебя к смерти.

Майор Таубе привычно зачитал приговор. Сегодня конвой привёл мужчину, он был похож и в то же время непохож на предыдущего. На голове его был такой же мешок, а на теле – рваная одежда. Он был худой, словно высохший, и так же молчал.

Вслед за майором Конмаэл вышел во дворик, там уже ждали рекруты с винтовками на плечах.

– Построиться! – рявкнул сержант.

Конвойные поставили заключённого к стене, солдаты вытянулись в смертоносную шеренгу. Они изменились: движения их стали увереннее, взгляды смелее скользили по пленнику.

– Оружие с плеча!

Приговорённый как будто ожил – он всё так же молчал, но по телу его пробежала лёгкая судорога. Он стоял на месте и никак не сопротивлялся.

Конмаэл был сегодня куда спокойнее. Руки у него болели, но были холодны. Он дышал нарочито медленно, усмиряя тревожное биение сердца, и стараясь плотнее прижать к земле подошвы обеих ног.

– Целься!

Шестнадцать винтовок устремили свои дула на заключённого.

Только шестнадцать.

– Я не буду этого делать.

Голос Конмаэла, негромко прозвучавший в закрытом дворике, нарушил привычный порядок вещей.

– Что это за выходки, рекрут? – Взгляд Таубе наполнился колючим недовольством.

– Я не буду этого делать, господин майор. Я не стану стрелять в него.

Рекруты непонимающе уставились на сослуживца. Пленник не проронил ни слова, но Конмаэл был готов поклясться, что тот внимательно слушает. Таубе раздражённо поджал губы и на мгновение задумался.

– Оружие на плечо! – скомандовал он остальным рекрутам и добавил: – Шаг вперёд, господин Форальберг.

Конмаэл пребывал в каком-то отстранённом спокойствии. Он был удивлён собственной решимостью и теперь лишь подчинился и сделал шаг вперёд, глядя прямо перед собой.

– Сержант, заберите у него оружие. Вот так. Форальберг, четырнадцать шагов вперёд.

Он вновь подчинился и, досчитав шаги, поравнялся с заключённым. Внутри предательски заклокотало.

– Кругом!

Конмаэл вдруг увидел себя стоящим на линии огня. Дрожь против воли прошла по его телу, мышцы спины сильно напряглись в попытках унять её. Поднявшийся страх заметался внутри. Он стоял напротив своего отряда, люди смотрели на него молча и даже чуть брезгливо. На солнце набежало облако, похолодало. Пальцы Конмаэла стало покалывать.

– Оружие с плеча!

Он закрыл глаза.

– Задача та же. Целься! – прозвучало в темноте.

Порыв ветра ласково потрепал волосы Конмаэла, он был мягким и приветливым, он нёс на своих крыльях последнее тепло. «Хороший день».

– Огонь!

Свист пуль пришёл откуда-то издалека и совсем не оглушил. В него не стреляли. Темнота стала мучительной, он открыл глаза. Шестнадцать дыр изуродовали тело человека с мешком на голове. Тот упал, но почему-то не умер сразу – бился в агонии, мучился, извивался в луже крови, мычал. Но вскоре это прекратилось.

Конмаэл молча смотрел, стоя в двух метрах от казнённого. У него сильно закололо под лопаткой.

– Сержант, арестуйте рекрута Форальберга. Заприте его в камере и лишите пищи. И принесите мне его личные вещи из казармы. Позднее мы продолжим. Остальным разойтись.

Конвой провёл Конмаэла узкими проходами через половину крепости, иногда он задевал плечом шершавый камень кладки. Путь постепенно спускался, пока они не подошли к запертой железной двери, подле которой сидел охранник. От неподвижной жизни он раздался вширь и, казалось, занимал собой чуть ли не весь проход. Лицо, почти до глаз заросшее чёрной щетиной, было непроницаемо и более всего напоминало каменный валун – от него не исходило ровным счётом ничего. При виде конвоя охранник поднялся, и ему пришлось пригнуть голову, чтобы она не касалась сводчатого каменного потолка.

– Что, ещё один недовольный жизнью? – голос из головы-валуна раздался гулкий и небрежный.

– Отпирай дверь, Фока. Распоряжение командующего. Теперь господин Форальберг твой гость, держи на верхнем уровне. Кормить не велено.

Охранник расплылся в масляной улыбке:

– Проходите, сударь, милости просим. – Он отпер замок и грубо хлопнул Конмаэла по плечу.

За железной дверью был ещё один коридор, он казался шире, и оттуда повеяло запахом подземелья.

Тюремные камеры на Горе Мертвецов располагались под основной крепостью, врубленные в тело холма. Безвыходное заточение – со всех сторон они были окружены породой, и единственным путём служил узкий проход, который сторожил Фока. Вероятность побега сводилась к нулю: сбежать отсюда можно было лишь с помощью волшебства.

Они прошли совсем недалеко, и охранник толкнул Конмаэла в одну из первых камер. Решётчатая дверь захлопнулась, Фока ушёл.

Заключённый осмотрелся. Удивительно, но сюда даже провели электричество – небольшие лампы висели вдоль стены. Редкие и тусклые, они всё-таки разгоняли мрак. Вентиляционные шахты давали приток воздуха. Камеры располагались лишь по одной стороне коридора – пленники не видели друг друга. Стены были кое-как заштукатурены, но в некоторых местах просвечивал камень. В камере стояли железная кровать, стол, пустой умывальник и ведро. На кровати лежало свёрнутое шерстяное одеяло. От пола пахло сырой землёй, иногда доносился запах нечистот, но обстановка была лучше, чем он представлял.

Сколько Конмаэл ни вслушивался, он не мог различить никаких звуков. Пусть заключённые не разговаривают, но ведь должно быть слышно хоть что-то. Однако мрачная тишина окутала всё вокруг, она гнётом навалила на уши и забралась глубже, начав свербеть где-то внутри черепа.

Конмаэл сел на кровать – та отозвалась надрывным скрипом – и уронил голову на руки.

Что дальше? Очевидно, он сглупил, но иначе поступить не мог. У него не осталось сил искать примирения с самим собой – все мысли и доводы стали вдруг водянистыми и незначительными.

Сам того не заметив, Конмаэл лёг лицом к стене и быстро уснул глубоким тёмным сном, какой погружает измученные метаниями души в абсолютную пустоту и безвременье.

Проснувшись, он не сразу понял, где находится. Он замёрз и проголодался, но всё, что у него было на обед, это липкий комок переживаний. Глаза привыкли к полумраку. Ничего не изменилось – вокруг по-прежнему царило безмолвие. Время тянулось медленно, и вскоре Конмаэлу стало казаться, что его отделили от всего человечества, запрятали подальше, под землю, будто похоронили и развеяли всякую память о нём. Он был здесь совсем один, наедине со своими мыслями, в тишине и полумраке тюрьмы, и целого мира словно не существовало никогда. Может быть, ему это снится? Или его всё-таки расстреляли вместе с заключённым и на самом деле похоронили, и беспокойный дух его никак не найдёт силы это принять? Уже второй раз за последние дни Конмаэла посетила мысль, что он умер. Это приносило извращённое облегчение, ведь с мёртвого больше нет спроса.

Трудно сказать, сколько прошло времени. Несколько часов? Или уже дней? Один раз зашёл Фока и принёс воды. Поставив на пол мятую металлическую миску, при этом расплескав половину, он удалился, мыча себе под нос какую-то песню.

Вода отдавала тиной, словно застоялась в кадке многим дольше положенного.

Конмаэл утомился думать и сидеть, уставившись в одну точку. Спать тоже не хотелось. Вдруг ему показалось, что откуда-то донёсся стук или щелчок. От входа или дальше?

– Эй! – крикнул он в пустоту. – Есть здесь хоть кто-нибудь?

Эхо разнесло было его голос вперёд, но скоро упёрлось в какое-то препятствие: коридор оказался довольно коротким. Никто не отозвался. Очевидно, других заключённых держат не здесь, и, вероятнее всего, дальше есть ещё одна дверь, ведущая к другим камерам. «Держи на верхнем уровне», – сказал конвоир тюремщику. Значит, есть и нижние.

– Чего горло дерёшь, почём зря? Я тут есть.

Вслушиваясь в эхо, Конмаэл не заметил, как отворилась передняя дверь. Крупный торс, круглое лицо, светлые кудри – он сразу распознал своего недавнего знакомца из библиотеки.

– Ох, это ты, рекрут? – Тот подошёл к решётке камеры и облокотился на прутья. – Что за напасть тебя сюда поместила? Эка небылица, прилежный рекрут и тут, ишь! Как так?

Громогласный великан устроился напротив, как будто для дружеской беседы. От него сильно пахло молоком, свежим, парным, и это тревожило пустой желудок Конмаэла.

– Должно быть, не такой прилежный. Раз не знаешь, за что я здесь, значит, пришёл не ко мне. Где все остальные?

Лицо солдата вытянулось от удивления. Он часто заморгал. Слова доходили до него медленно.

– Я Кит Мэри. – Великан широко улыбнулся и протянул руку через прутья, игнорируя вопрос. Заключённый пожал тёплую ладонь Кита, глядя на него с сомнением.

– Конмаэл Форальберг.

– Вот и отлично. Меня ждут дела, загляну к тебе на обратном пути.

Он удалился широким шагом в дальнюю часть коридора, оттуда послышался ляг отпираемой двери, потом она закрылась, и всё снова стихло.

Его не было меньше получаса, хотя Конмаэл не был уверен, что посчитал правильно. Когда великан вновь вырос у решётки камеры, в его руках была потрёпанная грязная книга.

– Вот и я, быстренько управился, – с довольным смешком сказал солдат.

– Что ты делаешь здесь?

– Да беседую всякое. Помогаю, чем могу. Все эти пленники, они ведь крепко несчастные. День за днём всё заперти, да и знают, что недолго им осталось, – это же жуть, так жить. Вот я и захаживаю к ним. Где словом подбодрю, где мелочью какой – то книжку, то свечку, то кусок хлеба. Не положено, так я ж тихонечко – жаль окаянных. Ой, у меня один тут недавно просил котёнка, представляешь? Я такого, конечно, не могу достать, да и боязно. Зачем ему котёнок-то, в его положении? Съест он этого котёнка, да и конец зверюге. Ну зачем так поступать?

Кит Мэри замолчал и выжидающе уставился на Конмаэла. Тот смотрел на него, как на умалишённого.

– Зачем им тебя слушать? Ты солдат вражеской армии, им уготован расстрел. С какой стати им иметь с тобой беседу и тем более просить о чём-то?

– Э, не! – Великан важно задрал нос и погрозил Конмаэлу пальцем. – Паршивое грядущее внутри поселяется, так рот и открывается. Конечно, кто бранится, кто свободы просит, плюются даже, бывает. Тю, тоже мне, верблюжий протест! Я раз видел верблюда на ярмарке – сущее отродье! А вот многие хотят дожить по-человечьи, последние же деньки... Да присматриваю, может, кому лекарь нужен. Гниленькое место здесь. Так-то.

Конмаэл не спешил отвечать, с недоверием глядя на солдата. На миг он подумал, что та вода со вкусом тины затуманила ему разум. Всё, что говорил Кит Мэри, отстояло на долгие расстояния от толстокожей морали Горы Мертвецов.

– Понятно, – протянул он, не придумав другого ответа.

– А ты всё же за какие грехи? Это верхний уровень, стало быть, временно, для порядка.

Конмаэл отошёл вглубь камеры, чтобы избавиться себя от молочного запаха, и прислонился плечом к стене.

– Отказался стрелять.

– Да ну?! – Глаза Кита округлились. – Вот ты даёшь! Нет, ты не первый, конечно, но это ж наша работа. Надо выполнять. Ай-яй, ну как так?! – Великан сокрушённо покачал головой. Внутри Конмаэла поднялось раздражение.

– Ты жалеешь этих людей и скрашиваешь им дни. Работа? И для тебя равно, что носить им книжки, что их расстреливать? – сказал он резко, отчаявшись достучаться до сознания солдата. Тот немного стусевался от внезапного напора и выглядел растерянно.

– Ну так это... книжки книжками. А расстрелы расстрелами.

Конмаэл упёрся в такое объяснение, как в замурованный выход из лабиринта. Продолжать разговор не хотелось.

– Я думаю, тебя ждут дела.

Кит Мэри искренне не понимал, чем мог вызвать гнев человека, запертого в камере. Он потерябил в руках принесённую книгу и, глупо улыбнувшись, просунул её через решётку и положил на пол. После чего молча развернулся и направился к выходу, но вдруг, будто что-то вспомнив, обернулся:

– Я принесу тебе свечу попозже. Чтобы удобнее читать.

Его тяжёлые удаляющиеся шаги отзывались необычайно мягким эхом. Дверь затворилась, на верхний уровень тюрьмы вернулась привычная тишина.

Конмаэл глубоко вдохнул, пытаясь остудить голову, и наклонился за книгой. Он поднёс её ближе к свету, чтобы прочесть название. «Подвиги прошедшего. Хаген-драконоборец и поход за север». Это ему ни о чём не говорило. Он бросил книгу на край стола и повалился на жёсткий матрас. Хотелось есть, о чём желудок напоминал громким бурчанием. Сейчас он был бы рад и той мешанине, что подавали в столовой. Можно даже кусок чёрствого хлеба. Чёрт возьми, да можно даже с плесенью!

Он лежал, стараясь не замечать вони, исходившей от старого матраса, и чувствовал себя в конце какого-то пути. То ли оттого, что это подземелье казалось тупиком, то ли от всего, что с ним происходило. Лучше ли быть сейчас здесь, чем мучиться от выполненного приказа?

Пожалуй, лучше. Воспоминание о том, как он, закрыв глаза, ждал расстрела, навязчиво прорывало ходы в мыслях. Он с удивлением ощущал в себе готовность к такому итогу, отчасти потому, что это не требовало бы от него больше никаких решений. Но он жив, заперт в четырёх стенах вместе с последствиями своего поступка, и те жмутся хищными тенями по углам.

Наверное, пришёл новый день. Или так показалось? Какой-то молодой солдат, совсем ещё мальчишка, которого Конмаэл прежде не видел, принёс ему обед – хлеб, миску похлёбки и уже знакомую подтухшую воду. Солдат не разговаривал и не поднимал глаз на Конмаэла, только поставил еду и скорым шагом удалился.

Похлёбка отдавала помоями, куски чего-то напоминавшего мясо долго жевались, как резиновые, но голод скрывал все недостатки вкуса. После трапезы живот Конмаэла стянуло тупой болью, но он хотя бы не был пустым.

Спустя какое-то время по коридору в сторону нижних уровней снова прошёл Кит Мэри. На этот раз он не начал разговора, но на ходу бросил в камеру початую свечу и спички. От свечи снизу откололся небольшой кусок воска.

На нижние уровни тюрьмы один раз прошёл конвой, возвратившись с двумя закованными в цепи пленниками. Они шагали, даже не поворачивая головы, будто Конмаэла и его камеры не существовало.

Вскоре безделье одолело его. Он чиркнул спичкой, та, шипя, вспыхнула ярко, после огонь выровнялся, запахло серой. Он поджёт фитиль, и камера скудно озарилась мягким оранжевым светом. От сквозняка пламя заплясало, отбрасывая на стены причудливые тени, свечка трещала и коптила, но справлялась со своим предназначением. Конмаэл открыл книгу. На первом развороте была гравюра: мужчина, облачённый в древние доспехи, держал за хвост извивающегося дракона. Ящер выглядел комично изумлённым. А наверху, в облаках, открывался проход в другой мир, где столпились неясные силуэты с искажёнными лицами.

Книга предложила Конмаэлу подглядеть за тем, как люди послали своего героя Хагена на север – в древности считали, что за тем краем земли находится загробный мир. Там, как назло, поселился дракон, питающийся душами умерших, так что нужно немедленно спасать то, что осталось от почивших друзей и родных. Конмаэл успел прочесть треть книги и уже поднялся с Хагеном на самую высокую гору, над которой царит ночь и в небе танцуют огни, расцветивая тьму. Там ему открылся тот самый проход в мир отошедших душ. Хаген сел на камень и долго смотрел на этот лаз. Семь страниц он размышлял, нужно ли смертному переступить этот порог, сможет ли он вернуться обратно и не без причины ли там прописался дракон. Стоят ли души спасения? Как раз, когда Конмаэл утомился от страданий героя, дверь со стороны крепости отворилась.

На всякий случай он затушил свечу и спрятал книгу под матрас.

С той стороны решётки возник майор Георгий Таубе и застыл, заведя руки за спину. Заключённый поднялся на ноги.

Какое-то время было тихо, они без особых эмоций смотрели друг другу в глаза.

– Отдохнул, выспался, подумал? – голос майора был спокоен. Конмаэл не ответил. – Прошло два дня. Из-за своего недуга ты пропустил три расстрела, включая тот, на котором ты принял неверное решение. Ты восполнишь пробелы позже и отработаешь каждый упущенный день. Если согласишься на это добровольно, сегодня же, таких будет лишь трое. Если нет – с каждым последующим днём число долгов будет возрастать. Когда твои друзья по отряду закончат обучение, а ты всё ещё будешь здесь, я приведу тебя силой. И либо ты в одиночку расстреляешь двадцать человек, либо это сделаю я. А потом я казню тебя, как предателя. Тебя похоронят в безымянной могиле, где-нибудь в лесу, и в глазах тех, кто тебя знал, ты останешься трусом и изменником. Я прослежу, чтобы их уведомили. Хватит убегать от происходящего, господин Форальберг. Я вернусь через час.

Майор ушёл.

Конмаэл пытался принять смысл услышанного. Нет, нельзя так, несправедливо.

«Я не хочу этого делать, не могу. Почему вы мне не верите?» – твердил он в пустоту, как капризный ребёнок, но его нежелание ничего не меняло. Пусть его навсегда оставят в этой камере, он не будет возражать. Пускай его расстреляют, в конце концов. Пусть этот час никогда не заканчивается.

Конмаэл принялся ходить кругами по камере. Внезапно она показалась ему уютной. Здесь все проблемы растворялись в безвременье. Здесь не было расстрелов, не было призраков убитых, не было ничего, кроме стен, кровати, свечи и книги. Скажи ему сейчас кто-нибудь, что он проведёт вот так остаток жизни – пускай хоть вечность – в четырёх стенах, со свечой и книгой, он стал бы самым счастливым человеком во всём мире.

Его мысли затеяли игру. Сперва это было похоже на шахматы – тактика, борьба аргументов, продуманные ходы в лабиринте сознания. Инстинкты диктовали ему одно: принять предложение майора, задавить в себе мораль и стать охотником, а не жертвой, заняв главенствующую позицию в пищевой цепи. Но душа, которая оказалась под угрозой истребления, требовала самопожертвования. Двадцати человек это не спасёт, но кого-то избавит от пуль, пущенных из его винтовки, а его самого – просто избавит. Постепенно борьба аргументов сходила на нет. Когда отведённый час почти истёк, игра превратилась в теннисную партию – стороны его сознания обменивались ударами, а мячом служило принятое решение. Оно просто металось туда-сюда, и когда Конмаэлу казалось, что он уже сделал выбор, первенство переходило к другой стороне. Он истоптал земляной пол камеры, тщетно пытаясь успокоиться, и от движения его тела всё ускорялось движение мыслей, в итоге слившихся в бессмысленный поток. Накал внутри нарастал, но он по-прежнему не знал, что делать. Он схватил миску с водой и с силой швырнул её в решётку – металлический звон разнёсся по всему коридору, брызги разлетелись в стороны. Опершись о стену обеими руками, Конмаэл бессильно опустил голову.

В такой позе его застал вернувшийся Георгий Таубе.

– Что ты решил?

Форальберг молчал. Не отрывая ладоней от стены, он повернулся к командующему и смерил его тяжёлым взглядом.

– Что ты решил?

Конмаэл всё смотрел на него и молчал, и не мог заставить себя открыть рот и произнести хоть что-нибудь.

– У нас в запасе есть ещё пара недель, господин Форальберг. Плюс день – плюс человек. До завтра.

Когда он вышел, Конмаэл упёрся в стену уже головой и крепко зажмурился. Теперь четверо. Каждая отсрочка облагается пошлиной, только вот счёт идёт на человеческие жизни. Что если постараться сбежать? Может быть, хоть расстреляют при попытке к бегству. Но как?

Ему было нужно альтернативное решение. Но такового не было.

Следующие несколько дней прошли как в тумане. Майор заходил с одним и тем же вопросом, рекрут каждый раз молчал. Конмаэл очень хотел выгнать свои мысли за рамки данности, увидеть всё со стороны, но тугая верёвка последствий обвилась вокруг его размышлений.

Он пытался отвлекаться – читать, вспоминать прошлую, мирную жизнь, когда он был счастлив в своей непричастности. Но это выходило ещё хуже.

Он зажигал свечу и подолгу смотрел на пламя, словно надеясь разглядеть там подсказку. Он подносил руку к огню, обжигался и отдёргивал ладонь только тогда, когда боль становилась нестерпимой. Вскоре от свечи остался лишь худосочный огарок. Время от времени мимо его камеры ходил конвой, солдаты исчезали за второй дверью и зачастую возвращались с пленными, закованными в глухо звенящие кандалы. Никто с ним не разговаривал и не бросал на него случайных взглядов. Он больше не видел Кита Мэри, ему редко приносили еду и воду.

Физические неудобства причиняли дискомфорт. От сна на жёстком матрасе у него болели мышцы, сырость подполья проникла внутрь – он маялся ломотой и кашлял. Грязная одежда кусала кожу, всё тело чесалось, безудержно хотелось помыться.

На восьмой день майор Таубе, как обычно, подошёл к решётке камеры.

– Что ты решил? – всё тем же ровным голосом спросил он.

Внезапно Конмаэл, собрав последние силы, рванулся к решётке и, просунув руку через прутья, схватил майора и со всей силы ударил его о дверь. Таубе оскалился и, выдернув из-за пояса нож, полоснул рекрута по предплечью. Глаза Конмаэла сверкали безумием, но боль вернула ему рассудок. Он закричал и отпустил майора. Тот отдышался и, как прежде спокойно, сказал:

– До завтра.

В тот день к Форальбергу заглянул Кит Мэри. Он принёс миску с чистой тёплой водой и бинт. Великан ничего не сказал, лишь сочувственно посмотрел на Конмаэла и покачал головой.

Рука болела. Кровь никак не хотела останавливаться, но тугая повязка помогла. У Конмаэла кружилась голова – от голода и потери крови он едва стоял на ногах. Зачем он так поступил с Таубе? Чем ему это помогло? Просто вспышка ярости. Он видел в майоре физическое воплощение всех его несчастий.

Он очень устал. Он сжёг книгу о Хагене, страницу за страницей. Ему было уже неинтересно, как этот воин победил дракона и спас души в загробном мире. Быть может, ящер и вовсе его сожрал, а после прикончил всех обитателей той стороны. Форальбергу очень этого хотелось, и он не стал дочитывать, чтобы не разочароваться. Он придумал подходящий финал.

Когда Таубе пришёл к нему снова, Конмаэл даже не поднялся с кровати. Майор ушёл ни с чем.

Заключённый встал и маленьким камешком нацарапал на стене ещё один крестик. Уже десятый человек на его счету.

На учениях Конмаэл показал себя метким стрелком, да и раньше, в своём поместье, с лёгкостью бил уток и куропаток. «Я могу избавить их от мучений и убить быстро». Мысль пронеслась стремительно и не закрепилась в голове. Когда же крестиков стало двенадцать, она вернулась.

«Их всё равно убьют, рано или поздно. Чего я могу их лишить? Прочтения очередной паршивой книжки? Я облегчу их участь. Я меткий стрелок. Быстрая казнь – это благо для таких, как они».

Конмаэл наконец обрёл то, чего искал. В его воспалённом рассудке добрым согревающим огнём вспыхнуло слово «БЛАГО». Красивая картинка укутала его уютным покрывалом. Он не палач, он спаситель, он дарует этим несчастным людям быструю смерть. Да, так он и поступит. Так и поступит.

И, обняв эту мысль, он уснул ровным сном на жёстком матрасе и проспал до самого прихода майора.

Георгий Таубе постучал по прутьям решётки, чтобы разбудить спящего. Конмаэл нехотя открыл глаза. Выдержав паузу, чтобы дать ему проснуться, майор спросил:

– Что ты решил?

Юноша загадочно улыбнулся. Он представлял собой жалкое зрелище – осунулся и помрачнел, зарос щетиной, глаза были воспалены. Но он улыбнулся.

– Я согласен. Только дайте винтовку, – прохрипел он и закашлялся.

Майор холодно ухмыльнулся. Он долго глядел на заключённого:

– Ты наконец-то принял верное решение. Конвой!

Дверь в крепость отворилась, вошли двое солдат.

– Освободите почтенного господина Форальберга.

Один из конвоиров, войдя в камеру, заковал ноги Конмаэла в кандалы.

– На всякий случай. Ты у нас, парень, на глупости горазд. – Таубе подмигнул рекруту и прошёл вперёд по коридору в сторону крепости.

Заключённый, сопровождаемый конвоем, поплёлся за ним, спотыкаясь от слабости и от невозможности делать шаги привычной длины. Цепи гремели. Так же выходят те, кого ведут на расстрел. На мгновение Конмаэл позабыл, куда и зачем он идёт. Они миновали все проходы и преодолели расстояние, казалось, в три крепости по окружности. Наконец процессия вышла во двор. Дневной свет больно ударил по глазам Конмаэла, он зажмурился, отвернулся к стене и чуть не упал из-за оков на ногах.

– В башню Правосудия его, господин майор? – спросил один из конвоиров.

– Нет, что ты, вовсе нет. Не будем подвергать его такому испытанию. Он и винтовки-то не сможет удержать, не то что попасть в кого-то.

Внутри Конмаэла всё так и кричало: «Нет! Дайте мне винтовку! Я смогу, я попаду!» Он так радовался тому, что нашёл способ всех перехитрить! Его решение сверкало идеальными гранями – действовать как добродетель под маской зла. Он будет выполнять работу, но никто не узнает, что он, словно древнее божество, просто переправляет их души на ту сторону бытия. Доброе, радушное божество, избавляющее от страданий. Дайте же винтовку! Но он не позволил себе произнести это вслух: он боялся, что его хитрый замысел будет раскрыт, и потому хранил молчание.

– Отведите его в медпункт. Ему нужно поесть, поспать, помыться наконец. Пусть вернёт себе человеческий облик. Я хочу быть уверен, что он принял обдуманное решение. Кандалы не снимать.

Конмаэлу показалось, что его окутал потусторонний свет. В первый ли расстрел его убили, или во второй, вместе с пленным, но теперь, пройдя испытания в чистилище, он попал на небеса. Он познал суть блага, он очистил свою душу, и теперь, прежде чем он присоединится к воинству Света, ему воздастся за мучения.

Сначала наградой послужила повязка на руку, горячая ванна и чистая одежда. Как приятно она пахла! Конечно, не майским лугом, но стиральным порошком, а значит, чистотой. Ему дали отдельную комнату с настоящей кроватью, с подушкой и одеялом. Ему принесли еду: жареного цыплёнка, картофель и сладкое вино. Кушанье богов! Поев, он упал на мягкий матрас, завернулся в тёплое одеяло и заснул, с наслаждением провалившись в безвременье.

Когда он открыл глаза, новый день уже наступил. Ноги, скованные железными браслетами, затекли, но, несмотря на это, пробуждение было самым приятным за последние дни. Конмаэл умылся, и вода сняла часть безумной пелены, накрывшей его накануне. Он посмотрел на себя в зеркало, на осунувшееся лицо, впалые щёки и выступающие скулы. Это был кто-то другой – покрытый непривычной щетиной и окутанный невидимой глазу тенью, человек, чьи столпы мироздания оказались подпилены у основания. Но он боялся отпускать свои мысли на свободу, поэтому сосредоточился лишь на том, что озарило его накануне – он должен даровать людям благо в виде быстрой смерти.

– Ты убийца, Конмаэл, – сказал он своему отражению. – Ты изгоняешься из рода человеческого, и я призываю тебя отправлять души на тот свет. Смерть – это благо избавления.

Он посмотрел в глаза человеку в зеркале. Тот криво ухмыльнулся и удовлетворённо кивнул, одобряя из своего зазеркалья трансформацию мужчины напротив.

Позже конвой отвёл Форальберга во двор за башней Правосудия. Там никого не было. Облака невыразительно окружали крепость. Прозрачная серость дня сливалась с камнем.

Вошёл майор, легко ступая по брусчатке:

– Ну что же, господа, начнём.

Следом за ним во двор зашли сержант и двое солдат. Все они мешали Конмаэлу сосредоточиться на задаче, лишние взгляды выводили его из нестабильного равновесия, с таким трудом достигнутого.

Конмаэлу дали винтовку с одним патроном, остальные же он будет получать после каждого выстрела. Руки дрожали, и он, как ни старался, ничего не мог с этим поделать.

– Первый! – скомандовал Таубе.

Дверь башни Правосудия открылась, вывели заключённого. Мешок на голове, грязные лохмотья – всё было знакомо.

– Оружие с плеча! Целься!

Конмаэл облизал пересохшие губы и задержал дыхание. Прицелился в голову, вернее, туда, где, предположительно, была голова.

«Это благо, – уговаривал он себя. – Просто нажми на спусковой крючок».

– Огонь!

Раздался выстрел, пленный упал. Конмаэл выдохнул, глядя на мёртвое тело. Он представил, как от ставшей бесформенной субстанции отделяется душа и, окутанная неземным светом, устремляется ввысь.

Майор Таубе едва заметно хмыкнул. Солдаты оттащили тело в сторону, на брусчатке осталась кровавая дорожка. Конмаэлу выдали ещё один патрон.

– Второй.

Следующий заключённый был похож на предыдущего, да и на всех тех, кого он видел прежде. Выстрел – звук падающего тела – отлетающая душа. И третий, и четвёртый, и даже пятый. Конмаэл стрелял. Он исправно попадал в цель, люди так же исправно умирали. Его руки перестали трястись, но взгляд затуманился и будто остекленел. Он стрелял, но мыслями пребывал очень далеко отсюда. Он унёсся прочь из этого страшного двора, он выполнял особую миссию. Разум рисовал ему светлые души, отходящие в иной мир, и ему чудилось, будто и он может одним глазком заглянуть туда, как случайный свидетель, как проводник, осторожно прикасающийся к священному.

– Шестой.

Новый заключённый вырвал Конмаэла из дурмана воображения.

На нём не было мешка. Серая холстина не скрывала его, и внезапно перед палачом с винтовкой предстал Человек во всем своём проявлении. У Человека было лицо. Заключённый был на пороге старости, и в тюрьме потерял последние силы, но взгляд его был твёрд. Он молчал, как и все его предшественники, но смотрел громче любых слов. И глядел прямо перед собой, в никуда – пытался увидеть что-то сквозь всю эту реальность. Он был полон могучей жизни, бьющейся внутри измождённого тела. Или так просто казалось?

– Целься!

Лицо Человека мешало Конмаэлу сосредоточиться. Эта ждущая освобождения душа вдруг посмотрела на него, и его собственная сжалась в комок, съёжилась, как от холода.

– Огонь!

После секундной заминки он всё же спустил крючок.

И промахнулся.

Пуля прошла у виска, и Человек не умер, он упал навзничь и стал кататься по земле, раздираемый болью. Он кричал, выл, и от этого внутри у Конмаэла закололо ледяными иглками.

Стоявший рядом солдат достал пистолет и одним выстрелом прекратил мучения заключённого. Когда эхо стихло, всё вокруг застыло в молчании.

– Седьмой! – приказ майора врезался в тишину, он будто не заметил оплошности Форальберга.

Седьмой была женщина. Старше средних лет, увядшая от жизненных мук, она, верно, и в молодости не была красивой. Бледный взгляд её скользил по лицам солдат. Рекрут тяжело задыхался.

– Целься!

Он избавит её от страданий. Она должна освободиться. Под тонкой кожей век защищало от подступивших слёз, и это ускользало из-под его контроля. Конмаэл прицелился сквозь пелену. Нет, так не пойдёт, он должен выполнить эту работу хорошо. Он часто заморгал, пытаясь разогнать туман, и прицелился ещё раз.

– Огонь!

Глаза женщины были уже закрыты, по щекам катились слёзы, но она улыбалась. Неужто она стремится туда, куда он вынужден её отправить, неужели ждёт этого?

Конмаэл с готовностью выстрелил. На этот раз он не промахнулся – всё произошло быстро.

Он вытер лицо ладонью.

Потом ему дали три патрона и привели сразу троих заключённых. Все – крепкие мужчины, похожие друг на друга, как братья. Все в ссадинах и синяках, они были скованы по рукам и ногам одной цепью. А ещё они были злы. Конмаэл видел это по их глазам – они горели ненавистью, жадно требуя расправы. Один из мужчин оскалился.

– Целься! Огонь!

Конмаэл выстрелил в среднего – тот упал навзничь.

– Будь ты проклят, мерзкий падальщик! – закричал стоявший слева и рванулся в сторону Конмаэла. Рекрут испугался, но быстро перезарядил винтовку. Прицелился, выстрелил и попал заключённому в грудь – тот упал, но остался жив. Тем временем третий приговорённый тоже кинулся на стрелка, но неуклюже пошатнулся, сдерживаемый тяжестью павших товарищей. Майор Таубе, солдаты и конвой стояли, не шевелясь. Конмаэл быстро зарядил третий патрон и нажал на спусковой крючок. В наступившей тишине звучали глухие хрипы второго казнённого, который был ещё жив. Изо рта у него пошла кровавая пена, он задыхался и вздрагивал.

– Дайте ещё патрон. – Конмаэл удивился тому, как твёрдо прозвучал его голос, хотя внутри всё клокотало и подпрыгивало.

Сержант посмотрел на Таубе, тот кивнул.

Конмаэл, не колеблясь, оборвал мучения раненого, и тот затих, устремив потухший взгляд в серое небо. На этот раз воображение не нарисовало Форальбергу никаких отходящих душ.

Оставалось ещё двое заключённых.

Ими оказались мужчины – слишком полные, чтобы быть солдатами, слишком запуганные, чтобы сказать что-то внятное.

Конмаэл уложил их двумя быстрыми и точными выстрелами. Он видел их страх и небрежно избавил их от этой непосильной ноши.

Когда работа была сделана, майор подошёл к Конмаэлу и забрал у него винтовку.

Ничего не говоря, он собственноручно снял с него кандалы, потом достал из кармана дневник Форальберга, так же молча отдал ему и удалился.

Когда Конмаэл вернулся в казармы, солдаты из его отряда смотрели на него с осторожной заинтересованностью. Они не мыслили увидеть его ни свободным, ни даже живым.

Он молча прошёл к своей койке, убрал дневник под матрас, лёг и стал смотреть вверх. Он ощущал на себе любопытные взгляды, но ему было всё равно.

– Что с тобой было, Форальберг?

Конмаэл повернул голову в сторону вопрошавшего и обвёл взглядом остальных, собравшихся у его койки.

– Мы не думали увидеть тебя снова, – подал голос другой солдат.

– Но увидели.

– Что Таубе сделал с тобой?

– Тебя пытали?

– Ты видел пленных?

– Зачем ты так поступил?

– Как там, в тюрьме?

Конмаэл растерянно смотрел на загалдевших солдат. На половину вопросов он не знал ответов, на другую половину отвечать не хотел.

– Сделал, потому что сделал. – Он нахмурился и отвернулся, давая понять, что не желает расспросов.

– А я считаю, что ты слабак, – издевательски ухмыльнулся тонкий долговязый рекрут.

– Считаю.

– Ты что, не понял, Форальберг? Ты слабак. Или, может быть, ты хочешь служить в другой армии, по ту сторону фронта?

Конмаэл повернул голову и посмотрел ему в глаза. Помолчал, обдумывая что-то, но не проронив ни слова опять отвернулся.

– Болезный он какой-то, видно, с головой в разладе. – Обидчик несильно ткнул лежащего в плечо и собрался уходить.

Это было ошибкой. Слова не трогали Конмаэла, но этот жест будто вышиб одну из костяшек домино в хрупкой конструкции, и равновесие было нарушено. Всё, что он испытал за последние дни, заполыхало внутри, желая сгореть без остатка и обернуться пеплом.

Конмаэл рывком поднялся с кровати, резко развернул обидчика к себе лицом и обеими руками толкнул в грудь. Тот попятился, солдаты расступились, недоумённо переглядываясь.

– Ты чего?

Конмаэл занёс кулак и ударил рекрута по лицу, потом ещё раз, и ещё. Когда тот начал наконец сопротивляться, они сцепились, удар следовал за ударом, воздух вокруг разгонялся от их быстрых движений. Конмаэл ощутил железный привкус крови во рту, пропустив пару выпадов соперника, но это его только разгорячило. Отойдя на шаг, он зарычал и бросился на обидчика, толкая того в корпус, потом швырнул его о настенную панель – дерево закрипело, и пластина отвалилась, обнажив каменную кладку. Остальные рекруты даже не пытались разнять дерущихся, лишь старались отойти, чтобы не попасть под удар.

Наконец Конмаэл одержал верх – повалил противника на пол. Он сильно прижал его к холодному камню и сказал так, чтобы слышали все:

– Да, я слабак. Ты прав. И ты слабак. И все мы здесь одинаковые. Ты думаешь, что научился стрелять в людей и это даёт тебе преимущество? Значит, ты ещё и дурак. И разница между нами в том, что я себе позволил хотя бы поискать другой выход. Не нашёл. Что уравнивает меня с тобой. Но не смей меня трогать. Никогда.

Конмаэл с силой встряхнул рекрута, тот лишь злобно зарычал от беспомощности.

Отпустив побеждённого, Форальберг возвратился на свою койку и отвернулся, давая понять, что на эту сцену занавес опущен. Он думал о своём дневнике, о том, что Таубе всё прочитал и это дало ему новые возможности по воздействию на его сознание. Нужно спрятать дневник. Сжечь. Избавить мир от своих мыслей. Но потом, одумавшись, он успокоился. Скоро их отправят на войну – там всё будет проще и понятнее. Он сверх меры жаждал покинуть Гору Мертвецов, выдернуть эту главу из своей жизни, как страницу из дневника. Мысли о боях и свистящих вокруг пулях страшили, но это было неведомой донине фантазией. А то, что окружало его здесь, – полыхающей реальностью. В нём всё сплелось воедино: решения последних дней, вспышки гнева, скорбь, злость, растерянность, расчёт и усталость. Краски смешались и дали какой-то однородный цвет, неприятный и не имеющий названия. Всё внутри казалось

обмотанным цепью с мелкими острыми зубринами, и любое движение рассудка причиняло боль. Он сглотнул накопившуюся во рту кровь и запретил себе думать. Скоро всё пройдёт.

Оставшиеся до выпуска дни прошли быстро. Товарищи по отряду сторонились его и больше не беспокоили. Расстрелы проходили без происшествий, механизм был наконец отлажен и работал в полную силу.

В последний день Георгий Таубе собрал всех рекрутов в башне Правосудия.

Перемены были очень заметны: отряд преобразился. Вместо толпы юнцов, где каждый был сам по себе и брал лишь свою ноту, теперь перед майором стояли настоящие солдаты – подтянутые, уверенно смотрящие перед собой. Земля нравственности под их ногами больше не качалась, они научились держать равновесие, не сомневаться в себе и в приказах командования. Конмаэл был среди них – и в то же время вне этого строя. Он испытывал облегчение – хоть малая передышка в череде тёмных дней, один глоток воздуха по дороге на фронт.

– Я рад видеть перед собой таких образцовых воинов, господа рекруты. Впрочем, нет. Теперь вы настоящие солдаты. – Майор и впрямь был доволен, взгляд его, обычно колкий, потеплел. – Ваше преобразование говорит о том, что мы здесь делаем правильную и нужную работу. Пусть не всё было гладко, но цель достигнута, и теперь все вы – главные защитники нашей родины. Я уверен, что о многих из вас ещё услышу и на груди каждого появятся награды. Вы славно потрудились, но этот путь ещё не пройден, вы лишь на пороге. Так не разочаруйте же ни себя, ни свою страну!

Рекруты молча отдали честь.

– Вольно. Ступайте, пируйте. Завтра получите новую форму и вас доставят к поезду. Путь не длинный, до резервной линии доберётесь быстро, дальше указания получите на месте.

Солдаты начали расходиться.

– Форальберг! На пару слов. Остайся.

Конмаэл подошёл к майору, молча глядя, как закрывается дверь за последним рекрутом. Таубе словно что-то искал среди бумаг на своём столе, и держал долгую паузу.

– У нас с тобой были разногласия, но теперь их нет, так ведь?

– Так точно, господин майор.

– Прекрасно. Твоё положение изменилось, звание лейтенанта ждёт тебя, завтра ты получишь новую форму и людей в подчинение.

– Хорошо, господин майор.

– И останешься здесь.

Слова его не сразу дошли до Конмаэла. Поначалу ему показалось, что он ослышался. Потом, когда смысл всё-таки пробился сквозь плотную пелену неверия, его горло сдавило невидимой рукой.

– Здесь? Но, господин майор, я думал, что поеду на линию фронта... со всеми остальными.

Георгий Таубе облачился в привычное недовольство.

– То, что ты думал, Форальберг, не обязано совпадать с тем, что получается на самом деле. Это не моё распоряжение, это рекомендация. Считай, что сверху. Сочли разумным оставить тебя здесь, хоть я и не вижу в этом ничего разумного. А ты радоваться должен.

– Но, позвольте, я готов под пули! Я обязан выполнять свой долг. Разрешите мне уехать.

Майор посмотрел на несносного рекрута долгим сверлящим взглядом:

– Выполняй приказ, Форальберг. Не вынуждай меня тебя уговаривать. Ты знаешь, что наши попытки договориться затягиваются и причиняют дискомфорт. Приказ тебе ясен?

Конмаэл задержал дыхание и на выдохе бросил: «Да, господин майор», проклиная всё, до чего мог дотронуться своим проклятием – стены этой башни, Таубе, каждую бумажку на его столе и всякую пылинку в воздухе. А заодно и самого себя.

Глава 3

Из дневника Конмаэла Форальберга

23 ноября

С момента последней записи прошло почти два месяца. Сейчас я перечитываю прошлые строки и нахожу их сокрытыми пеленой отчаяния. Высокой ценой далось мне устроение симбиоза личности и новой реальности, и, наконец придя к соглашению, я испытываю некоторое равнодушие. В первые мои дни здесь я написал, что на Горе Мертвецов всё стремится к равнодушию, потому что это единственный способ принять происходящее. Что ж, тогда я не знал, что предсказываю и свою судьбу.

Кем выйду я из зарослей тёрна, думал я, видел в себе отчаяние и видел благо, и накалённую злобу, и стальное молчание. Я перепробовал внутри себя весь спектр эмоций и пропустил душу через эту мясорубку. Всяким трепыханиям приходит конец, и теперь я нахожу в этом успокоение. Вспоминая свои переживания, я протестую и не желаю обращаться к ним снова. Внутри у меня пустота, и в ней, на самом дне, спит дикий чёрный кот. И всякий раз, когда в эту пустоту хочет прорваться остаток пережитого, кот просыпается, злобно шипит и прогоняет то, что потревожило его сон.

Фронтальные линии стали для меня несбыточными. Была такая странная и подлая надежда, что настоящие бои, где противник сопротивляется, расставят всё по своим местам и снимут с меня груз ответственности. Но чья-то судьбоносная шутка сделала меня заложником этой крепости. Мой верный враг, теперь и надолго мы связаны паразитическими узами.

Лейтенант Форальберг. В моё подчинение поступило тринадцать человек – расстрельная бригада Горы Мертвецов. Я был удивлён, увидев среди них Кита Мэри. Этого парня здесь все зовут Святой Мэри – из-за его стремления скрасить жизнь осуждённым. Есть основания сомневаться в том, что его рассудок был до конца сформирован. Говорят, когда его забрали в солдаты, вытащив из каких-то позабытых трущоб, он не смог назвать своей фамилии, да её, наверно, и не было, и выдумал её сам, по имени матери. Своё же имя он объяснял так: с малых лет его звали Белым Китом – за цвет волос и большое туловище.

Есть среди моих подчинённых и Матей Разин – рыжий демон, громкий, но сдержанный сержант-правдурб. Игнот, Софрон, Томаш, молодой Ивар, Гектор, Хара. Остальных я не запомнил: они из конвоя, и никаких разговоров с ними у меня не происходит. Солдаты бригады напомнили мне свору псов, принимающихся к новому вожаку. Прежнего забрали на линию огня – говорят, там началось какое-то движение. И так, за мной окончательно закрепили должность палача и пригнали шакалов на подмогу. Человек привыкает ко всему, пора бы мне уже этому научиться.

Теперь мне нечасто придётся нажимать на спусковой крючок – это делают за меня другие. Расстрельная бригада приводит приговоры в исполнение, и эта процедура не входит в программу обучения рекрутов. Жертвы – осуждённые на казнь военные преступники, пленные враги, занимавшие офицерские должности, и все те, кто не может служить уроком для новобранцев. Этих держат на втором уровне заточения, в отличие от всех остальных, занимающих самый низший, третий. У каждого из таких приговорённых строгая дата расстрела, которой они сами, конечно, не знают, оттого день за днём живут в мрачном ожидании. На низшем уровне всё то же ожидание смерти витает в воздухе, но тех выбирают во многом произвольно. Софрон говорит, что все они чувствуют свою смерть. Верно, они ощущают её по шагам, по голосам охранников, по каким-то неясным вибрациям мироздания, видимым лишь им одним, и тут же меняются. Как будто заблаговременно исчезают из реальности, уходя в какой-то параллельный мир грёз, и становятся покорными, безмолвными и отрешёнными.

Моя бригада занимается пленными. Конвой, обход – мы встречаем их с дороги и провожаем в последний путь, до самого погребения. Некоторых хороним в лесу, большинство же забирает огонь. На полях за крепостью, в нелепого вида ангаре, стоит несколько печей. Это от них идёт тот самый дым, что я видел с тракта по дороге сюда. Этим занимаются Игнот и Томаш, они молчаливы, монолитны, и их психика кажется непрошибаемой. Ворчливый дед на старой телеге, который мне встречался раньше, Арон, заведует перевозкой. Я не знаю более мерзкого существа, чем он: его рот способен извергать только самые гниlostные слова, и порой мне кажется, что он давно лишился рассудка.

Есть и прочие бригады. Одни занимаются снабжением, другие подготовкой рекрутов. Офицеров на Горе Мертвецов ничтожно мало.

Внешний круг крепости, куда попадаешь сразу после ворот, состоит из приходящих гражданских. Люди из ближайших деревень и городков приторговывают тем, что способны предложить: едой, картами, выпивкой, табаком, собственным телом. Солдат пускают туда нечасто, но своё жалованье они там тратят подчистую.

Вот я и познакомился с Горой. Она живёт, и всем обеспечивает себя – без сомнений и угрызений – огромный монстр, свивший гнездо на вершине холма. Думаю, это моя конечная остановка. Это место требует темноты и равнодушия, и я чувствую, что готов и к тому, и к другому. Принесение ли это себя в жертву, исполнение ли чьей-то чёрной воли – я просто буду делать то, что от меня требуется, не больше и не меньше. Я не знаю, что ещё может предложить мне эта жизнь и каковы последствия усопшей морали. Усопшей ли, или раздроблённой под прессом войны? Я смутно чувствую, как щепы былых принципов скребутся внутри меня – острые, медлительные, смертельно уставшие от своей ненужности.

Конмаэл Форальберг всё больше свыкался со своими обязанностями на Горе Мертвецов. Непривычное становилось обыденным. Части его личности, изобилующие углами, которыми он постоянно ударялся о неподходящую реальность, стачивались и уходили, не мешая жить. Он приспособлялся, наполнялся равнодушием, привыкал отдавать приказы другим людям и своему разуму. Всё, что ему претило, отметалось, он приучил неугодные мысли уходить и не возвращаться, хоть краем рассудка и сознавал, что утрачивает нечто важное. Работать с условиями задачи, не погружаясь в размышления, – вот что было теперь основой его существования и спустя какое-то время стало вполне его устраивать.

На нижнем уровне тюрьмы было прохладно, но светло – множество ламп разгоняло сумрак. Улучшенная вентиляция, застланные полы и защищённые изоляцией стены – всё это было сделано в начале войны, чтобы заключённые не умирали раньше положенного срока. Но сырость всё равно проникала сюда осенью и зимой, и некоторые не доживали до расстрела. Было шумно от голосов. В воздухе, пополам с отвратными запахами, висело напряжение, такое плотное, что с каждым шагом всё сильнее чувствовалось сопротивление. Конмаэл впервые оказался в этом месте. С ним был рядовой Софрон, пожилой, спокойный и рассудительный человек, хромой, со шрамом от левого уха до подбородка.

Сейчас их задача была проста – выбрать одного пленного для новых рекрутов.

Люди в клетках сидели либо тихо, либо притворно тихо. Одни большими глазами внимательно следили за пришедшими, другие намеренно отворачивались, третьи выглядели отрешёнными. Конмаэл чувствовал себя потерянным. Ему казалось, что призраки умерших летают по коридору и трогают его своими бестелесными сущностями. Он ощущал, будто что-то постоянно касается его рук, спины, ушей и волос, и едва сдерживался, чтобы не начать отряхиваться. Офицер мерил шагами пространство вдоль решёток, заглядывал туда, силясь найти подсказку в карусели лиц, но никак не мог остановить свой выбор ни на одном из них. Пленники всё

больше нервничали – кто-то плюнул ему под ноги, другой оскалился, третий был на грани истерики.

Видя замешательство Конмаэла, Софрон осторожно отвёл его к двери.

– Лейтенант Форальберг, ваше благородие, это нужно делать быстро и уверенно. Смотрите им в глаза – должно выбирать из тех, кто будто бы не в этом мире. Есть особое чувство в отборе пленных для рекрутов. Пока что им по плечу безропотные жертвы.

Мягкий учительский голос Софрона делал задачу понятнее. Быстро, уверенно. Несколько мгновений он перебирал в памяти тех, кого видел в камерах, после собрался и твёрдым движением отворил одну из решёток. Он под руку вывел из камеры старика, беззубого, лохматого и худого. Тот вопросительно глядел по сторонам и улыбался, будто сумасшедший.

– Мне пора идти? Пора! Время идти, пришла пора! – бормотал он себе под нос, пытаясь схватить Конмаэла за китель дрожащими грязными пальцами.

– Хороший выбор, согдится.

Софрон снял с пояса флягу и поднёс к губам пленного. Тот, не спрашивая, сделал глоток, закашлялся, но потом выпил всё до капли.

Пожилый солдат ухмыльнулся, заметив вопросительный взгляд Конмаэла, и пояснил:

– Опиумная настойка.

Так вот оно что. Пленников опаивали, и оттого на расстрелах они были так спокойны. Ещё одна шестерёнка появилась в воображаемом чертеже Конмаэла – он скрупулёзно составлял механизм действия Горы Мертвецов. Без лишних вопросов – только чёткая схема, чтобы ясно представлять себе работу этой машины. И знать, как чинить её в случае поломки.

Конвойные заковали пленника в кандалы и повели вперёд. Участие Конмаэла на этом было закончено, но отбор пленных был лишь одной из деталей его новой жизни.

Снаружи уже наступила зима. Когда недели две назад мир наконец укутался в пушистый снег, он будто потеплел и успокоился, тревоги поздней осени ушли, поддавшись всеобщему анабиозу. Зима побелила поля, крепость, черепичные крыши городка, видневшегося вдалеке. Воздух очистился, грязь и лужи замёрзли, ожидалось звенящие морозные дни. Природе нет никакого дела до трагедий человечества.

Конмаэл поднялся на стену крепости и, ёжась от холодного ветра, стал смотреть вдаль, на забелевший пейзаж. Только что он решил, кто из людей умрёт сегодня. Скоро он услышит звуки выстрелов. Для уставшего пленника это отчасти избавление, и какой толк пытаться рассудить, злая ли сила наградила его, Форальберга, правом подобного выбора или это просто ненавязчивая часть его рутины? Ему следовало бы подумать о том, как улучшить свой навык и безошибочно отбирать людей в зависимости от этапа обучения рекрутов. Вот от этого будет толк.

Конмаэлу нравилась его новая форма. Она лучше сидела, приятнее пахла, и погоны отвлекали внимание от того, что под этой формой скрывалось. На кители появился первый знак отличия – медаль за меткую стрельбу: две скрещённые винтовки внутри лаврового венка. Молодому офицеру выделили отдельную комнату, похоже, в ней когда-то жили знатные господа – хозяева крепости или их гости. Еда получше, света побольше, встречные солдаты приветствовали его, и все называли его «господин лейтенант». Он отпустил короткую бороду и стал непохож на себя прежнего – старше, серьёзнее, безразличнее. Конмаэл заметил за собой изменения, которые не мог объяснить. Так, теперь, когда он умывался, вода затекала за ворот его рубашки, промачивая ткань и скатываясь на грудь. Всю жизнь он умывался аккуратно, но сейчас его руки будто сами по себе стали небрежны, и неуловимые движения делали его неряхой. До тех пор, пока ткань не высыхала, он ощущал прохладу на груди. Ещё он полюбил горький вкус. Всякий раз, когда в еду попадалась горчинка, он довольно шурился, прекрасно осознавая, что вкус ему неприятен. Больше его ничто не беспокоило.

Настал день расстрела одного из вражеских офицеров.

Казнь проводилась вне крепости, в редком леске у подножия холма. Утром Конмаэл и сержант Разин первыми пришли на место и ждали, когда подойдёт конвой и остальные солдаты бригады.

Зимний лес был тих и внушал умиротворение. Деревья скрадывали движения воздуха, лишь изредка самые старые из них поскрипывали от лёгкого ветра.

Матей возвышался рыжей глыбой, курил папиросу и слегка раскачивался, будто в его голове играла задорная мелодия. Конмаэл не знал, о чём завести разговор, да этого и не хотелось. Он мысленно подгонял минуты.

– Хорошо им напоследок воздуха-то глотнуть, а?

– Что?

– Ну пленным этим. Врагам. Столько дышать этой тюремной вонью, так хоть последние вдохи на вольном ветре.

– Может, для того их здесь и расстреливают, – буркнул Конмаэл.

Сержант зашёлся беззлобным смехом.

– Последние почести, а? Да пёс его знает... Отсюда хоронить их проще, да и некоторые сами себе ямы роют, когда земля не мёрзлая. С рекрутами туда-сюда не набегаешься.

– Почему сжигают не всех?

– Так угля не напасёшься. Офицеров мы обычно в землю. Прошлый командир говорил, пепел совсем ничего от человека не оставляет, а так хоть могила. Глупость! Как по мне, чего костям в земле гнить – человеку-то уже всё равно. – Матей сплюнул на папиросу и выкинул окурок. – А родные так и так не найдут.

– Значит, офицеров всё-таки признают за людей.

Сержант покосился на своего нового командира.

– Как по мне, руки-ноги-голова есть, стало быть, человек. Мы же и стреляем их только потому, что они люди. Среди зверья сволочей нет – будь то звери, не творилось бы такого. Хоть кем их признавай.

Конмаэл не стал отвечать и отвернулся.

Вскоре конвой привёл пленного офицера, их сопровождали Игнот, который нёс лопату, и Гектор с Харой, вооружённые винтовками.

Приговорённый был не таким, каких Конмаэлу приходилось видеть прежде. Молодой, темноволосый и голубоглазый, крепкий и чистый, пленный держался со спокойным достоинством, и даже неряшливая одежда не портила впечатления. Он немного дрожал от холода.

– Господин лейтенант Форальберг, разрешите доложить – капитан Леопольд Линдебран доставлен для исполнения приговора, – Гектор отчеканил каждое слово. Он был молод и полон служебного энтузиазма.

– Господин Форальберг... – пленный подал голос, чем немало удивил Конмаэла. Разговаривает. – Не в моём положении просить, но, пожалуйста, возьмите письмо. – Он достал из кармана помятый конверт. – Это мои последние слова для жены и сына. Прошу, передайте им, когда почтовое сообщение станет возможным. Даже если это случится нескоро.

Молодой лейтенант растерялся. Человек под формой был готов услужить смертнику. Офицер сознавал, что это недопустимо. Но всё же, поразмыслив, он забрал конверт из рук пленника. Матей покосился и едва заметно фыркнул, но промолчал.

– Передам, капитан Линдебран. Непременно передам.

Откашлявшись, Форальберг развернул лист с приговором. Документ был заверен министерской печатью.

– Капитан Леопольд Линдебран, вы, являясь офицером вражеской армии, захваченным в плен, объявляетесь врагом нашей страны и обвиняетесь в многочисленных преступлениях

против жизни, чести и свободы наших сограждан и короны. Как иностранный военный служащий и интервент, вы подлежите казни через расстрел, без права захоронения на родной земле.

Конмаэл свернул бумагу и добавил уже тише:

– Приговор привести в исполнение немедленно. Можете воспользоваться правом последнего слова.

Пленник пожал плечами и задумался, отвлечённо глядя в сторону.

– К кому же мне обращаться здесь с последним словом? К своим палачам? Или, быть может, к этому лесу, к чужой для меня земле? Я понимаю все причины того, что сейчас случится со мной. Таковы правила войны. Вы исполняете свой долг, так же, как исполнял его я. Я не стану извиняться за свои действия, я поступал как хороший солдат и не стыжусь этого. Я прощаю вас, потому что вы тоже поступаете как хорошие солдаты. Я вам желаю дожить до мирного времени, только и всего. Больше мне сказать нечего.

Конмаэл кивнул. Где этот человек взял силы и желание рассуждать миролюбиво и здраво на пороге смерти, и можно ли это уничтожить пулями? Такое достоинство стоило бы уважать, но лейтенант не понимал его истоков, и уважения так и не появилось.

Гектор и Хара выстроились перед пленником. Тот стоял, не шелохнувшись и спокойно смотрел перед собой.

– Целься! – Сержант Разин не стал медлить. – Огонь!

Гулкие хлопки разнеслись среди зимних деревьев – два точных выстрела – в сердце и голову. Солдаты расстрельной бригады хорошо знали своё дело. Капитан Линдебран упал. Шея вывернута, одна рука заведена за спину. Скоро его плоть будет промерзать, а потом растворяться в земле, и это всё, что ему досталось от этой войны.

Конмаэл вздрогнул от грубого лая Матей:

– Разойтись! Игнот, принимайся за дело, пока земля ещё готова принять выродка. Последний в этом сезоне.

Солдат, больше похожий на каменную скульптуру, ожившую по непонятным причинам, взялся за лопату, остальные же отправились назад в крепость.

Матей чуть придержал своего командира за локоть, чтобы никто больше их не услышал, и угрожающе навис над ним, отчего тот чуть не поскользнулся.

– Зачем ты взял это чёртово письмо, Конмаэл?

Второй раз за утро он ощутил замешательство, но это уже выходило за рамки. Он оттолкнул подчинённого и расправил плечи.

– Я лейтенант Форальберг, сержант. Не забываетесь.

Матей упрямо сжал губы.

– Да будь ты хоть фрейлиной королевы. Нельзя брать такие письма.

– Это просто послание домой от уже умершего солдата.

– Оно никогда не дойдёт до адресата, это знаешь ты и знал он, а вот внутри может быть что угодно. Неспроста такие передачи.

– Я прочитаю.

– А я не про информацию! Отравленный порошок, вдохнув которого ты умрёшь за несколько мучительных минут. Как тебе такое?

– И где бы он раздобыл его тут, в тюрьме? У этих людей ни черта нет за пазухой. Он хотел, чтобы я забрал это письмо. Я его взял и утешил умирающего.

Сержант скривился и тихо выругался. Из рта его шёл пар.

– Мы тут не санитары, Конмаэл, – он сделал акцент на его имени. – Наше дело расстрел. Святая Мэри пусть пленных ублажает, ну так он у нас мальчик-дурачок. Мы убиваем приговорённых врагов, по закону. Они не просто так оказываются здесь перед нами. Схватывай на лету прописные истины, лейтенант Форальберг, сожги письмо и включайся в работу, иначе сам окажешься, где не надо. Господин.

Матей театрально раскланялся. Конмаэл ничего не стал отвечать, его устраивала прямолинейность сержанта. Хорошее качество. Но оставлять подобное обращение без внимания он не хотел.

Когда они вошли в крепость, Конмаэл остановил Матея перед конвоем.

– Отведите сержанта Разина в тюрьму, на верхний уровень, запиrite на двое суток. Очень надеюсь, что за это время он вспомнит, как обращаться к старшему по званию. Передайте Фоке, чтобы не пускал к нему рядового Мэри.

Солдаты конвоя удивлённо переглянулись, но им ничего не оставалось, как подчиниться. Они взяли Матея под руки и повели в сторону подземелья. Тот в ответ лишь кивал и хохотал:

– Выйдет толк, да, лейтенант! Выйдет.

Почему-то Форальберг был уверен, что сержант говорит не о себе.

Вечером того же дня Конмаэл сидел в своей комнате при тусклом свете лампы. Потрескивал камин. Лейтенант вертел в руках конверт, не решаясь его открыть. Потрёпанная и пожелтевшая бумага, прочная, шершавая. От неё пахло потом, сухой землёй и железом. Письмо казалось чем-то чуждым, не принадлежащим ни этой реальности, ни этому моменту. Почерк был крупный, ровный, без наклона, буквы стремились к квадратным формам, будто пишущий боялся, что слова скатятся с бумаги. Получателем значилась Арсиноя Линдебран. Конмаэл рассмотрел конверт под каждым возможным углом, подумал немного, барабанил пальцами по столу, и наконец вскрыл его, аккуратно заглянув внутрь в поисках ядовитого порошка. Но там лежала всего лишь бумага, столь же плотная и шершавая, исписанная таким же почерком, что и на конверте. Форальберг отвернулся к камину. Глядя на пламя, словно надеясь на диалог с древними духами огня, он думал, каких последствий от прочтения письма ему стоит ждать. Не заденет ли это его тщательно выстраиваемого равнодушия? Но вскоре, сочтя такую возможность ничтожной, он быстрым движением вынул бумагу из конверта. Он читал бегло, не желая погружаться в суть, отмечая лишь отдельные слова и фразы. Ничто не привлекло его внимания. Это и правда оказалось прощальное письмо. «И вот ты читаешь это, а я уже мёртв. Давно мёртв. Ты, верно, уже выплакала все глаза, и тут снова я, как призрак, восстал из прошлого. Так не плачь теперь долго. Забирай сына, уезжай за океан. Всё как мы и хотели. Я принял смерть легко и достойно, так и знай, и не мыслил ни о чём, кроме твоего будущего счастья. А оно непременно состоится. Эта фантазия прошла со мной через все тяготы, когда стало ясно, что моя дальнейшая жизнь невозможна. Мой сын вырастет прекрасным человеком, я доверяю твоему воспитанию всецело. И твоя улыбка будет расцветать на новых счастливых землях, я верю в это. Я умер без тревог и с любовью, а это ли не благо?»

Конмаэл Форальберг читал письмо, не меняясь в лице. Так вот он, источник его спокойного достоинства перед ликом смерти – уверенность в будущем покое и счастье своей семьи? Не оказалось у Леопольда Линдебрана ни тайн, ни загадок – одна лишь любовь.

Дочитав, офицер невесело ухмыльнулся, поднялся из-за стола, подошёл к камину и, колеблясь ни секунды, бросил в огонь сперва конверт, а за ним и само письмо. Древние боже-ства в пламени приняли подношение, съедая буквы одну за одной. Это послание никогда не дойдёт до адресата, как и тот, кто его уничтожил, никогда не сможет познать достоинства того, кто его написал. Арсиноя Линдебран никогда не прочтёт последних слов мужа. Конмаэл сделал над собой усилие, и это перестало его волновать. Что-то ещё сгорело в пламени вместе с этим письмом, нечто очень важное, но молодой лейтенант этого не заметил.

Он выходит из облаков, спускается с туч вместе с дождём. Что-то большое перед ним, не различить. Размытые очертания становятся узнаваемы, он видит старое поместье, тёмное в густом вечере, тёмное от дождевой воды. Он не успевает удивиться – в окнах загорается жёлтый свет, лампы освещают вход. Неужели он только сейчас заметил их во мраке? Белые вспышки бьют по глазам, тут же успокаиваясь: это всего лишь свет фар. Один за другим

автомобили подъезжают к парадному входу. Из них выныривают гости – фраки и шляпы, платья и бриллианты. Слуги раскрывают над ними чёрные зонты. Он не видит лиц и фигур – пока вереница гостей исчезает в доме, он смотрит на них со стороны и чувствует лёгкое волнение.

Вот он внутри. Он растерян от пестрящих вокруг людей, всё те же фраки и платья, кружат и кружат. Он не видит ни одного лица, но знает, кто они. Движение вдруг успокаивается. Он в просторном зале – высокие своды, деревянные панели, гобелены, мягкие ковры. Свежие цветы в вазах. На одной из стен висит герб, в конце зала широкая лестница. Изящество интерьера, обрамлённое в рамки достаточности. Люстры проливают свой звёздный свет, он стекает по стенам и расплывается, окутывая собою всё вокруг, каждое плечо и всякую пылинку. Всё мерцает. Он доволен. Ему так спокойно, как не было уже давно. Чувство безопасности, в которое можно закутаться, будто в одеяло.

– Рад видеть вас своим гостем, Конмаэл, – слышит он рядом глубокий бас. Высокий господин, прямой, строгий. Первое лицо, которое он увидел отчётливо: складки у носа, ясные, чистые глаза, жёсткие волосы с остатками былого цвета. Гай Блажевский, хозяин поместья.

– Для меня честь быть гостем в вашем доме, господин Блажевский.

Произнёс ли он это или только подумал? Он словно был в двух ролях сразу – говорит и приветливо пожимает руку собеседнику, но не чувствует ни руки, ни своего голоса. Он смотрит со стороны, как призрак, как побочный эффект задвоившегося бытия.

Но действие продолжается.

– Приятно слышать, весьма. Но отчего я не вижу вашего отца?

Он чувствует холод, некстати налетевший сквозняк.

– Альберт просил передать свои глубочайшие извинения. Обстоятельства вынуждают его присутствовать на одном из заводов в столице. Он сожалеет и выражает надежду побывать в вашем поместье в другой раз. А покуда, – он виновато разводит руками, – боюсь, вам придётся ограничиться лишь моим обществом.

Гай Блажевский смеётся. Внимательное лицо его несколько не меняется, но Форальберг знает, что тот смеётся.

– Наслаждайтесь вечером, Конмаэл, и будьте покойны. Ваше общество вполне подойдёт.

Он отходит и теряется среди гостей. Их разговоры сливаются в однородный шум, он силится отделить один от другого, но будто захвачен механическим аттракционом на ярмарке, с которого не сойти. Он сжимает кулаки и поднимает взгляд к потолку, видит там ясное небо и верхушки весенних деревьев, подсвеченные солнцем. Его это не удивляет, наоборот, успокаивает. Он знает, что всё идёт так, как должно.

Он опускает голову. Безумный аттракцион окончен, поместье успокоилось вместе с ним. Гости стоят, разбившись на небольшие группы. Беседуют, потягивают коктейли в ожидании ужина, наслаждаются своей принадлежностью к достойному обществу. Они довольны и уверены, и это делает довольным и уверенным его самого.

Он слышит за спиной грохот. Один из гостей толкнул подставку с вазой, и теперь она кружится на своём доньшке и, сделав несколько оборотов, обретает равновесие. Гость с тревогой наблюдает за происходящим, но после ухмыляется. Букет застывает неподвижно – крупные алые маки, только что встревоженные, умело останавливают ход времени вокруг себя.

Неуклюжий гость присоединяется к небольшой группе, Конмаэл следует за ним и оказывается в гуще беседы.

Говорит взрослый мужчина с детским лицом и высоким голосом, он очень румян и взволнован:

– Ну, господа! Позвольте заметить, война – мера крайняя. Исключительная. Этап варварских решений завершён, мы же цивилизация, в конце концов! Искания лучших умов обоих королевств не могут отречься от того уровня развития, какого достиг человек! Посему сплошная глупость эти ваши толки, прошу прощения за прямоту. Война. Они и по сей день встречаются на приёмах, ровно так же, как и мы. Манеры! Господа, неужто вы можете представить, что нынче вечером двое из нас повздорят, разобьют друг другу носы, как деревенские пропойцы, а на будущий день один пригонит к стенам второго фермеров с вилами? Абсурд!

Оратор краснеет всё сильнее, то ли от коктейля, то ли от того, сколь устойчивой он находит свою позицию.

Со стороны раздаётся тихий скрипучий голос. Говорит пожилой господин, на груди его сверкают военные награды, но какие – Конмаэл не может разобрать. Эти знаки отличия очень тяжёлые, он это точно знает. Оттого их владелец так сутулится, наклоняется почти до пола.

– Ужасы войны забываются. Более полувека прошло с последнего Передела, и страх большие не держит их манеры под руку. И в низах нагнетено – теперь всякая кухарка, глядя на мартовские похождения котлов, видит в том политику. А это верный признак – правители вскоре позабудут о приличиях и превратятся в капризных и злобных детей. Вот увидите. Запасайтесь победными настроениями.

Форальберг чувствует скованность и напряжение. Что они знают, как легко судят о грядущем терроре! Скоро они все согнутся, как этот увешанный медалями старик. Согнутся от того, что потолок станет давить, а стены сжиматься, когда Девятый передел войдёт в зал.

– Вы глубоко заблуждаетесь, – продолжает розовощёкий, – манеры – их наследие. Власть – их наследие! Уж они-то знают, как с этим управиться, не бросая на алтарь войны своих подданных, успокоив всех начиная с самых низов. Вот увидите, через год-другой мы будем вновь торговать и ездить друг к другу в гости.

Он стоит неподвижно, охваченный злобой. Как хочется кричать! Рассказать взахлёб, как чудовищно они заблуждаются! Внутри него так громко, возражения мечутся по разуму, нужно, нужно обо всём рассказать! Но он не может пошевелиться, кажется, он застыл, как те маки в вазе. От подавленного крика у него крутит живот. Он отворачивается, с трудом дышит.

Его внимание привлекает молодая гостья, стоящая в дальнем конце зала, и он успокаивается, отвлёкшись. Он знает её, только не может вспомнить, откуда. Он видит её так близко, хотя она стоит далеко от него. У неё тёмные, аккуратно уложенные волосы, и ни одной пряди не позволено выбиться из причёски. Он знает её серые глаза с густыми ресницами, острые скулы, тонкие руки. Он убеждён, что её линия рта ему неприятна, как и вся она целиком. Ему не по нраву эта девушка, в том нет никаких сомнений.

– Конмаэл! – Гай Блажевский возникает рядом с ним, и вот уже темноволосая гостья стоит поблизости. Теперь, на расстоянии вытянутой руки, он плохо видит её, но знает все её черты.

– Позвольте представить вам Шивон Коттон, мою племянницу. Шивон, этот молодой господин – Конмаэл Форальберг, сын Альберта, промышленника и моего давнего друга.

– Рад знакомству, госпожа Коттон.

Он хочет отвернуться, но кланяется и улыбается.

– Надеюсь в скором будущем также испытать радость от знакомства с вами, господин Форальберг.

Её голос обволакивает. Он будто мерцает светом звёзд, но слова её так же холодны, как те небесные светила для всех, кто смотрит на них с земли.

– Уверен, это будущее предельно близко.

Она не слушает его, скучающе глядя в сторону.

И вот все гости за столом. На заправку подают закуски, потом суп-пюре с дичью и лимонными клёцками. Присутствующие как будто снова начинают толковать о войне. Фаршированный тетерев прилетает следом и, насытив животы, убеждает гостей в неразумности применения оружия. А он, Форальберг, чувствует острый голод, на него наводит панику невозможность отведать хоть кусочек. Его руки не смеют поднять нож и вилку, он сидит неподвижно, касаясь ровной спинки стула. Десерт, фисташковое бланманже, сводит на нет все беспокойные дискуссии. Люди возвращаются в зал, сытые и несколько ленивые. Обед расставил все точки зрения по местам, велел им сидеть тихо и вести себя прилично. Но Конмаэл ничуть не насытился, будто все эти блюда были приготовлены не для него.

Он встаёт у пианино, проводит рукой по крышке. Она сверкает лаком, и он знает, что должен ощущать гладкий холод от этого прикосновения.

– Вы играете?

Шивон стоит рядом с ним.

– Нет, госпожа Коттон, музыку я создавать не умею.

– Что же вы умеете?

Она поднимает крышку пианино и начинает небрежно перебирать клавиши. Раздаются глубокие медленные аккорды. Звуки появляются в его голове, снаружи слышен лишь шум светского приёма.

– Умею проектировать здания. По окончании обучения я намерен быть архитектором.

Её строгое лицо становится удивлённым.

– Вы осваиваете профессию и станете работать? Я полагала, ваш отец ожидает вашего участия в управлении заводами.

– Нисколько не ожидает. Этот камень преткновения между нами уже давно порос мхом. Я избрал собственный путь. Конечно, он не проторён, и осваивать его мне предстоит на своих ногах, а не в экипаже, но зато с него открываются виды лишь на мои горизонты.

– Вы сомнительный бунтарь, господин Форальберг. Ленивый, хоть и исполненный поэтичности. Полагаю, пару крепких сапог для своего путешествия вы раздобыли не сами.

– У меня нет желания бунтовать. И если я ухватил из дому сапоги, так что в этом дурного? Я же не хвалюсь, что сам их сшил.

Шивон молчит. Она как будто полностью поглощена мелодией. Силуэты гостей стали размыты, всё слилось в единую тёмную массу. Пространство сжалось.

Он чувствует тревогу, будто теряет что-то важное, что необходимо поймать прямо сейчас, не упустив момента. Но он лишь наблюдатель.

– А вы, госпожа Коттон? Уверен, вы умеете создавать ещё массу всего, помимо музыки?

Она поворачивается к нему и улыбается, он отчётливо это видит, полагая, однако, иллюзией.

– Я женщина, господин Форальберг. Всё, что мне необходимо создать, это удачный брак.

Шивон опускает крышку пианино и собирается уходить. Он слышит её смех – она смеётся над ним. Пусть уходит, пусть уносит с собой весь холод, что расточает вокруг себя, забирает до капли. Всё плывёт, растворяется, как будто засасывается в воронку, в водоворот посреди странной реки событий. Он слышит звон стекла – кажется, одну вазу всё-таки разбили.

Конмаэл дёрнулся и проснулся. Нестройные границы сна поплыли прочь, медленно высвечивая из-под стен красивой приёмной залы особняка грубую кладку крепости. Некоторое время Конмаэл лежал, глядя в потолок, пытаясь понять, почему память предложила ему этот вечер, этот островок жизни, когда-то случавшейся с ним. И почему эта девушка? Но с

удивлением он ощутил себя спокойным и удовлетворённым, словно отдохнувшим сверх меры. Потом он поднялся, умылся, привычно намочив ворот рубашки, и облачился в офицерскую форму. Любой сон в итоге выскальзывает из рук, и единственное, за что можно ухватиться, – хорошо выполненная работа.

Через несколько дней Конмаэл задумал проинспектировать Игнота и Томаша вместе со стариком Ароном и вызвался пойти с ними к ангару за крепостью. С лёгким недоумением он обнаруживал в себе любопытство к своим обязанностям. Ему необходимо было знать, как всё устроено и что собой представляют люди в его бригаде. День выдался облачный и уже настоящему зимний, земля успела промёрзнуть, изо рта валил пар. Двое солдат молча приветствовали своего командира за воротами крепости, старик Арон, взглянув на Конмаэла, скривился, что-то промычал себе под нос и подхлестнул костлявых мулов. Телега с тремя телами угрожающе зашаталась и медленно тронулась. Действо напоминало похоронную процессию. Солдаты угрюмо шли за повозкой, их командир замыкал строй. Деревянные колёса скрипели, порождая странную, чуждую слуху мелодию. Изредка подавали голос мулы, Арон плевался и непрерывно что-то бубнил. Телега подсакивала на каждом ухабе – снег ещё не успел плотно заполнить собою ямы, и дорога была испещрена рытвинами, как после бомбёжки.

Спустившись с холма, они свернули с центрального тракта на боковую дорогу в поле, ещё более неровную, и вскоре оказались перед ангаром. Арон загнал телегу внутрь.

За дверями не было ничего, кроме двух печей, трубы которых уходили в крышу, и огромной кучи угля у стены. Ветер гулял по углам ангара, но воздух здесь всё равно был спёртый. Свет поступал лишь из больших длинных окон под потолком. Какое-то таинство должно происходить в таком месте, как это, что-то, внушающее первобытный трепет и причиняющее боль. Конмаэл чувствовал лишь напряжение.

Томаш и Игнот принялись за дело – сгрузили умерших и уложили в печи: двоих на разные ярусы одной, третьего – в другую. Одежды с них не снимали. Солдаты взялись за лопаты, торчащие из угольной кучи, и стали перебрасывать топливо туда, где оно будет питать голодное пламя. Никто не произносил ни слова.

Конмаэл стоял в углу ангара. Его замутило от запахов, от той картины, что он видел, и от той, что воображал, – она станет реальностью совсем скоро. Тела казались манекенами, синюшно-восковыми, и он почувствовал на ладонях холод их кожи, вспомнив, как ему пришлось грузить убитых в свой первый день. Это ощущение намертво прилипло к его рукам, и он стоял сосредоточенный, шевеля и подёргивая пальцами, пытаясь стряхнуть с себя эту память.

Арон выгонял мулов наружу, когда у входа послышалась какая-то возня.

В ангар зашёл Кит Мэри, таща за собой прицеп, в котором было ещё одно тело.

– Подожди-подожди! Вот ещё, примите в компанию, бедняга в камере преставился. А, капитан, здравия! Ну и погодка сегодня! Ух, зима у порога стоит да в двери стучит!

Белокурый великан запыхался, покраснелся, но выглядел, по своему обыкновению, довольным. Не успел он подкатить прицеп к Игноту, стоявшему у печи, как рядом с телом вырос вдруг оживившийся Арон. Глаза его разгорелись, рот был полуоткрыт. В состоянии явного предвкушения он потянулся руками к телу покойного и стал шарить по его одежде – по карманам и вдоль корпуса, будто ища нечто ценное. Офицеру стало невыносимо противно, захотелось пристрелить этого калеку на месте.

– А ну, отставить! – рявкнул Конмаэл, и от неожиданности вздрогнули все, кто был в ангаре. Его голос пронёсся резким эхом по стенам.

Плешивый старик уставился на него непонимающим гневным взглядом. Ему было неведомо, почему нарушили его славный обычай, но руки он убрал.

– Арон, убирайся отсюда! А вы продолжайте свою работу.

Проходя мимо Форальберга, старик злобно зашипел, и Конмаэл подумал, что сейчас он на него набросится и укусит, как дикая обезьяна, но тот прошёл мимо и скрылся за дверями.

– Он всегда так делал, командир Конмаэл, – обиженно протянул Кит Мэри.

Лейтенант поморщился, вновь услышав от подчинённого своё имя, но оставил это без внимания.

– А теперь не будет. И я приказываю вам пресекать подобные мерзости. Эти люди заплатили жизнью за свои преступления, и теперь всё, что при них, вместе с ними и исчезнет. Ясно?

Солдаты промолчали. Игнот и Томаш – в силу своей замкнутой внутренней системы, Кит Мэри – потому что понурился и смотрел виновато, для него этого было достаточно.

Конмаэл мог смириться со всем, что происходило вокруг, пока оно было частью большого механизма крепости, но эта шестерёнка была лишней – уродливой, нескладной, хоть и подходящей по размеру, но насквозь прогнившей. Такое он был намерен выкидывать прочь. Быть может, стоит выкинуть Арона целиком, со всеми его непонятными шестерёнками.

Солдаты развели огонь и закрыли печи. Где-то внутри потрескивало, разрасталось невнятное гудение.

– Всё, – глухой голос Томаша шёл откуда-то из глубин его желудка. – Долго топиться будут, часа три в общем. Что останется – в поля, оно уже неважное.

Офицер кивнул, не отрывая взгляда от дверцы печи. За ней неровно полыхало. Вот и всё – скоро они обернутся прахом, и никто не вспомнит, что жили на свете такие существа. Конмаэлу не было интересно, кем они были и что чувствовали, что сделали за свою жизнь. Они горели там, как горят дрова, отдавая себя вечности без всякой цели, просто растворяясь прочь из реальности. Он не чувствовал ничего, сознавал только тщетность бытия. Был человек – нет человека. А человек ли? Был ли?

Ход его мыслей прервал Игнот, который подошёл почти вплотную к печи. Он потёр ладони и вытянул руки перед собой. Подошли погреться и остальные. Душно запахло дурным.

– Заканчивайте и возвращайтесь в крепость, – бросил Конмаэл и, развернувшись, вышел за скрипучие двери ангара. Арон уже угнал мулов.

Уходя прочь по дороге, Форальберг спиной чувствовал чёрный дым, взвизгивающий к небесам. Матей говорил, что, если их сжигать без одежды, дым почти белый. Их уход чернит форма, принадлежность, ярлык врага. Впрочем, пустое. Он не видел в происходящем справедливого торжества правильной жизни над неправильной. Убийство стало для него механическим действием. Рука вскидывает винтовку, глаз прицеливается, палец спускает крючок. Был человек – нет человека. Он просто руководит этим механизмом. Чёрный дым – вот единственная реальность.

По дороге к холму медленно карабкались два грузовика, издав издав было слышно их рычание. Прибывали новые пленные.

Бригада лейтенанта Форальберга встречала их у внешних ворот крепости: дальше машинам было не проехать. Кит Мэри в нетерпении топтался на месте и вытягивал шею, рассматривая приближающиеся грузовики. Матей вяло прислонился к стене и жевал какую-то прошлогоднюю соломинку. Машины поднимались медленно: накануне крепко подморозило, и на рассвете солдатам пришлось посыпать дорогу песком. Конмаэл равнодушно глядел на тракт сквозь звенящий прозрачностью воздух.

Наконец грузовики добрались до ворот крепости. Остановились, заглушив моторы, и вокруг них тотчас выстроились полукругом солдаты с винтовками. Конвоиры стали выгонять людей из кузовов на хрустящий снег, один отдал Конмаэлу поимённый список прибывших. Пленных выстроили в две шеренги. Чуть больше двадцати человек. Немного. Но майор Таубе говорил, что и рекрутов на новый курс обучения прибудет меньше обычного. На фронте затишье, а людские ресурсы предсказуемо истощаются.

Прибывшие были непохожи на тех, кого Конмаэл наблюдал по ту сторону тюремных решёток. Эти оказались полны жизни, от них пахло порохом, а не гнилью подземелий. От кого-то разило бунтом, сдерживаемым нацеленными винтовками, от кого-то страхом, но и этот страх был живее всего, что витало по коридорам тюрьмы. В их глазах ужас ещё взрывался с недюжинной силой, а не вяло тёл, как у тех, глубоко под крепостью. Но это пройдёт.

Конмаэл с размеренностью командующего расхаживал перед строем. Грязь, раны, ссадины. Взгляды полны живой ненависти. Ни одного офицера – все для нижнего уровня.

– Приветствую вас. Я лейтенант Конмаэл Форальберг. Вы были захвачены в плен и осуждены за военные преступления против нашей страны. Вы не подлежите обмену и не можете вернуться домой никаким иным способом. Вынужден сообщить, что эта крепость – ваше последнее пристанище. Если война не закончится раньше.

Тишина. Люди не реагировали.

– Сержант Разин!

– Да, господин лейтенант.

– Распределите пленных по небольшим группам. Всех первым делом в медпункт – помыть, перевязать. Затем накормить как следует.

Матей выплюнул соломинку и непонимающе захлопал глазами:

– Зачем это?

Конмаэл сжал зубы в попытке унять раздражение. Он подошёл к сержанту вплотную и тихо сказал:

– Они устали. Офицеры перед прибытием к нам гостят в госпиталях. Эти же попали сюда сразу после захвата. Они внутри что сжатые пружины, и прежде их следует распрямить. Людей для расстрелов у нас не так много, и я не хочу, чтобы они массово умирали или убивали себя в камерах сразу по прибытии. Дай поблажку, и пусть после сидят тихо.

Сержант хмуро пощипал себя за рыжий ус.

– Как прикажете, господин лейтенант. Только вот...

– Куда?! А ну, стоять!

Среди пленных возник переполох. Конмаэл не сразу понял, что происходит.

Один из них, растолкав остальных, ринулся прочь от грузовиков и устремился к дороге, но конвой тут же схватил его. Пленник упал, солдаты стали яростно бить его сапогами.

– Отставить! – рявкнул Конмаэл.

Беглец лежал, поджав под себя ноги и обхватив руками голову. Он дрожал.

– Его погнало страх. Он понял свою ошибку. Понял же?

Лейтенант не получил ответа. За спиной раздалось несколько выстрелов.

Когда Конмаэл обернулся, он увидел дымок, струящийся из солдатских винтовок, и двух пленных – они корчились на земле в разрастающихся пятнах крови. От алых лужиц шёл пар.

– Кинулись на нас, господин лейтенант, точно собаки бешеные. Что же нам оставалось делать...

В воздухе повисла растерянность. Раненые стонали, остальные пленные стояли смиренно, боясь пошевелиться. Солдаты выжидающе замерли, глядя на молодого офицера.

У Конмаэла вдруг разболелась голова, и шея словно одеревенела. Он отошёл чуть в сторону и отвернулся, долгим взглядом заскользил по лесу и полям на горизонте. Всё идёт неправильно. Они должны были принять людей, осмотреть и залечить их раны и после этого отправить пленных в заточение. Без потерь. Одного он не учёл: с этой стороны решётки живёт и всегда будет жить надежда, если не на свободу, так хотя бы на смерть по собственному выбору. Конмаэл устало потёр переносицу. Ему нужно вернуть контроль над механизмом. Он вытащил из кобуры пистолет. Молча приблизился к умирающим, двумя выстрелами прекратив их страдания. Гул разнёсся вдоль крепостных стен. После подошёл к тому, что пытался убежать, отвлекая на себя внимание конвоя. Он по-прежнему лежал, наблюдая за происходящим.

Лейтенант не знал, как поступить. Руки у него дрожали, пистолет налился тяжестью десятка ему подобных. Форальберг чувствовал, что проигрывает, но не знал в чём.

– Когда вас захватывали в плен, вы могли выбрать смерть. Но не сделали этого. Когда вас везли сюда, вы могли попытаться сбежать, но не сделали этого. Почему здесь? Это не поступок, это вызов смерти. Вы хотите сами контролировать её приход? Ты хотел умереть?

– Я хотел убежать, – с вызовом ответил пленный.

Конмаэл отстранённо кивнул. Он старался не смотреть в глаза лежавшему. Механизм должен работать. Он выстрелил человеку в голову, тот откинулся на спину и сразу же умер. Несколько нетерпеливых ворон сорвалось с веток, гул снова опоясал крепость.

– Вы больше ничего не контролируете. Сержант Разин, будьте добры исполнить приказ, который я отдал ранее.

– Слушаюсь, лейтенант.

Дальше всё происходило в полном молчании, а для Конмаэла будто в тумане. В ушах у него шумело, он дрожал, но изо всех сил старался держать себя в руках. Он не сразу попал в кобуру, убирая оружие. Живот крутило.

Солдаты под руководством Матея разделили пленных на группы и увели их в крепость. На земле остались три тела, под которыми растеклись алые пятна. Красивый узор на снегу.

К нему подошёл Кит Мэри, осторожно, насколько позволяла его великанья поступь.

– Всё хорошо, лейтенант Конмаэл. Это всё хорошо вы сделали, господин, такая работа. Не всегда нравится. Но это ж работа, не свадьба, не обязательно должна нравиться.

Форальберг с удовольствием бы врезал сейчас этому настырному рядовому, но у него не было сил.

– Кит, поди скажи Арону, чтобы прибрал здесь. И сам ему помоги. Распорядись, в общем. Знаешь, что делать.

Тот энергично закивал. Конмаэл направился к себе в комнату, не замечая никого вокруг. Нужно написать о случившемся, составить отчёт, объяснить недостачу пленных по списку. Он всё уладил, механизм вновь будет работать как должно. Но он никак не мог избавиться от нависшего чувства поражения. Знать бы ещё, в какой игре он проиграл.

Сознание проносится мимо него. Весь мир сейчас – движение, и нет ни звука, ни голоса, он лишь знает, что мчится вперёд, а вокруг мерцает нечто непонятными цветами. Он слышит ржание. Он понимает, что едет верхом, сжимаемая ногами округлые бока животного. Конь везёт его, будто скользит по воздуху, плавно и ровно. Вдруг мир останавливается. Он стоит на тропе посреди леса. Бурый конь – он уверен, что это конь, – беспокойно роет землю копытом и бьёт хвостом, топчется на месте. Чего-то боится.

Это вполне обычный лес. Зелёные листья, тёмная хвоя. Безжизненно – не слышно птичьих голосов. Должно быть, он совсем близко к чаще.

Конь фыркает, волна ветра проходит по листве. Он чувствует холод и страх. Что-то есть в зарослях напротив, что-то враждебное. За ним наблюдают, его хотят захватить, и он знает, что не сможет с этим бороться – не хватит сил. Паника нарастает. Ему чудится, будто два красных глаза горят там, в переплетении десятков ветвей, где не может ничего быть. Конь под ним тревожно перебирает ногами: хозяин, в путь, чего ты ждёшь?

Он не выдерживает – страх становится таким сильным, нужно убежать от этих глаз. Он крепко бьёт животное по бокам, то срывается с места. Он чувствует, как в ушах свистит ветер. Ветви хлещут его по лицу. Быстрее, ещё быстрее! Беги от себя! Убежишь ли?

Его сердце, лёгкие и прочие внутренности будто растворяются – остаётся одна лишь оболочка. Конь подпрыгивает, перелетает через ухабы и ямы, и всякий раз, как он устремляется вниз, сознание замирает, ожидая столкновения. Горло сжимает цепь изо льда, трудно дышать.

Наконец бешенная скачка заканчивается. Ушла опасность. Лес вокруг него редет и светлеет, с неба далеко вверху проливается солнце.

Он слышит вдалеке охотничий рожок, следом лай собак. Так вот он где. Вероятно, всадники загоняют лис.

Ему стало спокойно. Он убежал из зловецей чащи и теперь ведёт коня шагом по безопасной траве. От земли пахнет сыростью, и листва на верхушках деревьев начинает желтеть. Должно быть, август. Он не желает догонять охотников, ему никогда не нравилась эта забава. Лучше смирно идти по лесу, впитывая тишину и покой. Когда ещё такое случится?

Путь ему преграждает ручей. Вода бежит быстро, и нет ни брода, ни мостика поблизости. Под прозрачным потоком видны камни – коричневые, зеленоватые, белые. Они как будто перемещаются по дну, живут своей жизнью. Или это вода двигает их?

Он слышит стук копыт другой лошади. Знакомый голос вторит этому звуку:

– Не ожидала встретить вас на этой тропе, господин Форальберг.

Он оборачивается и видит Шивон. Строгим изваянием держится она в седле, на щеках румянец – она только что гнала свою серую лошадку.

Он не понимает, зачем она здесь, но улыбается.

– Вы тоже имели неосторожность вторгнуться в гармонию моих ожиданий, госпожа Коттон. Я оставил охотников в стороне, но, похоже, по этой тропе путь заказан.

Шивон подводит свою лошадь ближе, смотрит на ручей. Его конь презрительно фыркает.

– Вижу, вы не большой поклонник охоты?

Бегающая вода ловит свет солнца и, отражая его, подсвечивает её лицо. О, если бы её здесь не было! Он хочет отвернуться, не смотреть на неё, но не может сделать над собой усилия.

– Совсем не поклонник. Однако ответить отказом на приглашение господина Блажевского я не посмел. Но что вы здесь делаете?

Она не отвечает, разглядывая противоположный берег. Оборачивается и смотрит на него так, будто видит впервые. Её глаза сияют, и он может поклясться, что лишь в эту секунду она захотела увидеть его.

– Обставаю вас в скачках, господин Форальберг.

Она прищипривает лошадь, и та с готовностью прыгает в ручей, разбивает копытами воду. Брызги разлетаются во все стороны, создавая радугу, окатывают всадницу до самой головы. Она устремляется вперёд, вот она уже на том берегу и, лишь раз обернувшись напоследок, со смехом исчезает среди деревьев.

Конмаэл восхищён и раздражён. Его дразнят, как школьника, но сопротивляться он не в силах. Он гонит коня к воде, тот, противясь, почти встаёт на дыбы, но он умело его осаживает. Вперёд!

Он не ощущает на себе брызг, но слышит, как конь топчет воду, шумно взбивая её почти что в пену. Он чувствует сопротивление ручья – ему трудно двигаться, как будто это густой кисель. Вода окрашивается в сиреневый и затягивает их обоих. Вдалеке слышится смех Шивон.

Сделав усилие, он будто одной своей волей вытаскивает коня из загустевшей воды и уже готов начать погоню, но замечает на дороге человека. Тот сплошь в лохмотьях, в которых угадываются остатки офицерской формы. Глаза незнакомца закрыты, лицо залито кровью. Он протягивает к нему руки, подзывает и ждёт. Конь снова начинает беспокоиться. Незнакомец поднимает веки, и Конмаэл видит его глаза, горящие красным. Паника охватывает Форальберга.

Он прищипоривает коня так сильно, как только может. Он должен догнать Шивон – это всё, о чём ему следует думать. Животный страх волнами гуляет по нему, мешает двигаться, но конь знает, что делать. Он разбегается и скачет мимо жуткого незнакомца, оставляя этого кровавого монстра позади. Конмаэл чувствует, как по спине и груди течёт горячий пот.

Лес сгущается вокруг него. Он должен, должен успеть выбраться, прежде чем деревья сомкнутся. Тропинка становится всё уже, чёрные ветки тянутся к нему, будто пытаются схватить. Впереди виден просвет – успеть бы!

Последний рывок – и конь выводит его к открытому лугу. Лес исчезает. Невдалеке висит поместье Гая Блажевского. На дороге его ждёт Шивон – она уже спешила и теперь нежно треплет гриву своей лошади.

Она никогда не узнает, что он только что пережил.

– Вы не смогли меня догнать. – Она победоносно улыбается. Или ему это только кажется? Он избегает смотреть ей в глаза – он боится, что они засветятся красным.

– Вы не дали мне ни единого шанса, госпожа Коттон.

– Вы о нём не просили.

Её холодность остужает страх, и он наконец понимает, что опасность миновала.

Ясное небо и плотный солнечный свет вокруг, луг полон последнего цвета перед осенью. По кромке растут высокие маки, склоняя перед путниками алые головы. Разве они не должны уже отцвести? Лошади задевают копытами некоторые из них. Соцветия тут же рассыпаются серым прахом.

– Вы давно гостите у своего дяди? – спрашивает он, окончательно придя в себя.

– Несколько месяцев. Мой отец управляет одной из дальних колоний. Там весьма жаркий климат, и незнакомые нашему обществу болезни расцветают в нём. Это опасно для организмов, к ним непривычных. Моя мама скончалась от такого недуга, и папа решил отправить меня домой, чтобы не испытывать судьбу.

– Соболезную вашей утрате.

Он идёт с ней рядом. Момент её слабости придаёт ему уверенности.

– Благодарю. Она была чудесная женщина, моя мама. В своё время ей предлагал руку и сердце младший брат короля.

– Уверен, она была исключительной, госпожа Коттон.

– Так и есть. Ведь она отказала представителю королевской фамилии и вышла замуж за моего отца.

Он смеётся. Ему легко.

– Должно быть, тут вмешалась любовь.

Шивон останавливается и смотрит на него с ледяным презрением. Его обдаёт темнотой.

– Я совершенно ничего не знаю о любви, господин Форальберг. Кроме того, что она прочно закрепилась в романах и легкомысленных умах, их создающих и потребляющих.

Конмаэл не подаёт вида, что его задевает перемена тона.

Они подходят к поместью.

– Вот мы и пришли. Думаю, остальные ещё не вернулись с охоты. Вы останетесь на ужин? – Она смотрит на него так, будто ответ на заданный вопрос её совершенно не интересует. – Впрочем, вы останетесь, обязаны остаться. Я требую этого на правах победителя. Вы проиграли, господин Форальберг.

Глава 4

Мелодия, которую насвистывал Конмаэл Форальберг, была невнятна, и казалось, он выдумывает её на ходу. Звук отражался от каменных стен подземелья и растекался эхом во все стороны. Двое конвойных молча наблюдали за своим капитаном, пока тот расхаживал вдоль решёток камер, заложив руки за спину.

– Этот. – Он указал на одного из пленных, сидевшего на полу и безучастно наблюдавшего за солдатами. Тот никак не отреагировал, даже когда конвой рывком поставил его на ноги и вывел из камеры.

Капитан Форальберг всё насвистывал свою мелодию, скользя равнодушным взглядом по людям за решёткой.

Между дальними прутьями вдруг показалась рука.

– Выбери меня! Иди сюда, выбери меня!

Конмаэл подошёл и с любопытством заглянул в камеру. Там стоял молодой человек, ничем особо не примечательный, но полный бодрой жизни. Капитан вспомнил его – он был из тех, кого привезли несколько дней назад.

– Почему тебя? – спросил он тоном учителя младших классов, улыбаясь.

– Что с того, что я просижу тут дни или недели? Вы всё равно меня убьёте. Чего тянуть? Выбери меня.

Конмаэл внимательно рассматривал заключённого, наклонив голову.

– Считай, ещё вчера ты был на фронте. От тебя так и разит порохом. Сиди отдыхай.

Заключённый злобно зарычал и бросился на железные прутья, осыпая проклятиями всё и всех. Конмаэл хмыкнул, посмотрел на конвойных и едва заметно кивнул им. Те быстро отперли камеру и без стеснения поколотили буйного пленника. Били сперва кулаками, потом ногами, до тех пор, пока он не сжался в комок у стены и не застонал.

Капитан Форальберг продолжил обход.

Уже полтора года он здесь, в этом месте. Конмаэл свыкся со своей работой и теперь выполнял её беспристрастно. Терзания давно покинули его, он выглядел отрешённым и немного ленивым.

– Этот. – Он указал на узника из другой камеры. Пожилой человек сидел в дальнем углу и что-то мычал себе под нос. Когда конвойные взяли его под руки, с ним произошло то, что Конмаэл наблюдал много раз: он навсегда покинул эту реальность и убежал мыслями в неведомую даль.

– С этими всё. Ведите в башню.

Солдаты и гремящие цепями заключённые скрылись во тьме коридора.

Конмаэл не спешил уходить. Он всегда задерживался на нижнем уровне, прислушиваясь к тому, что происходило вокруг. Напряжение, витавшее в воздухе, давно стало привычным, и он умело его отгонял. Дурные запахи он тоже игнорировал, как и редкие мольбы узников. Посильные просьбы он всегда передавал Святой Мэри, чтобы занять того любимым делом.

Он больше не чувствовал прикосновений смерти здесь, на нижнем уровне, призраки не трогали его: видимо, свыклись с его существованием. Теперь единственные призраки, которых Конмаэл видел перед собой, сидели по ту сторону решёток. Он давно уже не видел в узниках людей, лишь бесформенную массу, держащуюся за последние капли бытия отощавшей энергией.

Выбравшись из лабиринта подземелья, он поднялся на стену крепости. Была ранняя весна, ясный мартовский день больно ударил по глазам, привыкшим к полумраку. Пейзаж утратил былую белизну: он погрязнул проталинами и несвежим рыхлым снегом. Город невдалеке выделялся старыми черепичными крышами, щеголяя яркостью цвета на фоне общей блед-

ности. Небо голубым куполом охватывало пространство, намекая, что скоро всё зазеленеет, вернуться былые краски жизни, и можно позволить себе помечтать, будто нет никакой войны. Большинство людей покинуло город из-за близости фронта. Древность его мощёных улиц стала вдруг никому не нужна, и он медленно умирал в ожидании снарядов. С высоты крепости не были видны воронки в земле, но гром взрывов волнами докатывался до Горы Мертвецов. И тучи этой грозы уже стремились сюда.

Где-то там небо наверняка было серым и мрачным, там шли бои. Линия фронта за последние месяцы стала подвижнее, прорывы чередовались с отступлением, и всё это напоминало перетягивание каната на деревенской ярмарке. Солдатам привозили всё больше сладкого вина, чтобы они не впадали в тоску и уныние. С продовольствием становилось хуже, поставки провизии в крепость скудели с каждым разом, зима и вовсе попросила всех отошать. Зато процветала военная промышленность: Конмаэл то и дело узнавал из газет о новых изобретениях. Бронированные автомобили, бронированные лодки, бронированные самолёты. Конница была теперь не так эффективна, а то и лошадей нарядили бы в стальные попоны. Мир кривился и корчился, но вытаскивал из себя новые орудия, машины, вещества. С самолётов стали сбрасывать бомбы. Придумали какую-то машину, сметающую всё на своём пути, назвав её «танк». Химики в лабораториях ставили опыты со смертоносными газами. Более подлого способа уничтожения Конмаэл не мог и представить – человека убивал вдох и соприкосновение кожи с воздухом. Самое первое проявление жизни оказывалось смертельным.

Разведчики карабкались в небо на воздушных шарах и дирижаблях, военные инженеры загоняли корабли под воду. Всё это мерещилось Конмаэлу там, впереди, у невидимых глаз линий траншей, первой и второй. Морские сражения бушевали на другом, очень далёком фронте, но в воображении капитана это тоже свершалось там, впереди. И всё это вперемешку клубилось в его сознании: танки против подводных лодок, командиры на воздушных шарах, град пуль с неба и из-под земли, повсюду взрывы и дым. Его слух уловил звук выстрелов – казнь свершилась, и рекруты получили ещё один урок. Залпы винтовок точно легли на мир из его фантазии.

Он был всецело поглощён гротескной картиной, когда на стену рядом с ним сел воробей, громко зачирикал и вывел капитана из плена воображения. Конмаэл поглядел на маленькое серое существо. Птица наклоняла голову то в одну, то в другую сторону – присматривалась к человеку, время от времени выдавая как будто бы вопросительный «чирик». Растворились в дымке танки, пропали из воздуха дирижабли, ушли подлодки. Вокруг снова была осторожная, пока ещё тихая весна.

– Капитан Форальберг, господин!

Воробей мгновенно вспорхнул и скрылся из виду.

Перед Конмаэлом вырос молодой Ивар.

– Вас вызывает майор Таубе.

«Ну конечно», – мелькнуло в голове. Это случалось теперь чуть ли не каждый день.

– Спасибо, Ивар, – тускло ответил Конмаэл и нехотя направился в башню Правосудия.

Георгий Таубе с присущей ему отрывистой медлительностью перебирал документы – казнь уже закончилась, рекруты разошлись. Он бросил колкий взгляд на вошедшего офицера.

– А, капитан! Проходи, садись.

Конмаэл молча подчинился. Сегодня в башне было особенно душно, пыли стало будто вдвое больше в нагретом солнцем пространстве.

– Плохие новости, Форальберг. – Майор взял со стола какую-то бумагу и потряс ею в воздухе. – Их войска сегодня на рассвете пробилась через нашу линию фронта. Две недели прорывались, и тут на тебе.

Конмаэл молчал, выжидающе глядя на Таубе.

– Чёрт знает что! Они смели наши заграждения, будто те были из картона. Подтянули туда всю свою технику. Разведка полагает, что они попытаются захватить крепость. Это место для них – бельмо на глазу, не смогут пройти мимо.

– Какие будут указания?

– Сюда перебрасывают части с южного фронта, но не все успеют к их приходу – дороги размыты тальми водами. Я хочу собрать отряд, пройти вперёд и посмотреть, что там творится.

– Да, господин майор.

– Негоже, конечно, тревожить людей и афишировать свои манёвры. Но я лично заинтересован в этой крепости, так что присоединюсь к разведке и выясню всё о движении войск. Останешься за главного. Всё как обычно – Гора должна функционировать в штатном режиме. Солдат я уже отобрал, твоих оставлю при тебе, вместе управитесь. Займитесь рекрутами, они не закончили обучение.

Конмаэл был удивлён, но не стал этого показывать. Прорыв линии фронта был вполне ожидаем: перетягивание каната не могло длиться вечно. Секундный укол совести – он осознал, что не испытывает по этому поводу никаких чувств, ни сожаления, ни страха. Всего лишь слегка изменилась данность, значит, он будет работать в новых условиях.

– Когда вы уходите?

– Через два дня будет поставка провианта, с ним привезут оружие и патроны. Тогда и пойдём. И ещё кое-что, Форальберг. На верхнем уровне в камере заключён один из рекрутов. Займись им. Не мне тебе объяснять причины и следствия.

Конмаэл кивнул, не вдаваясь в обсуждения: уж это ему было яснее ясного.

Георгий Таубе помрачнел и казался рассеянным. Тень, окружавшая его фигуру, стала плотнее, а плечи ссутулились. Очевидно, он был не так равнодушен к прорыву фронта.

Вечером того же дня Конмаэл собрал своих подчинённых в библиотеке. Вокруг больше никого не было, тусклый свет ламп едва разгонял темноту.

Все тринадцать человек молча слушали своего командира. Конмаэл сухо передал им информацию, распределил обязанности. Майор хотел забрать с собой многих солдат, и тем, кто оставался, теперь предстояло заниматься с рекрутами ещё пятнадцать дней, до конца их обучения. В целом никаких существенных изменений не было, но солдат охватило напряжение, они заняли свои головы мыслями о вражеском наступлении. Конмаэл распорядился раздать на ужин вино.

После трапезы он вышел развеяться на крепостную стену, постоял там недолго, выдыхая пар и ощущая кожей последний зимний холод – прозрачный и резкий в подтаявшем воздухе. Подошёл Матей.

Похлопав по карманам, он достал пачку с сигаретами и предложил одну Конмаэлу. Тот лишь покачал головой, Матей закурил.

– Забрал у старого Арона. Дед так и шарит по карманам мертвяков, ему руки отруби – всё равно будет их обчищать. Как будто у них много ценностей.

Конмаэл не ответил, продолжая смотреть в тёмную даль.

– Ты у нас, стало быть, теперь главный? – Матей усмехнулся и слегка толкнул его в плечо.

– Через пару дней. И это временно.

– До какой же поры? Покуда бои не докатятся до нас? Слышал я про одного ихнего генерала, говорят, его солдаты что демоны, лица в крови, глаза горят – страха не ведают. И этот генерал во главе, в первых рядах. Сметают всё на своём пути. Как знать, может, именно он наступает? И сровняет проклятый холм с землёй.

Капитан не спешил с ответом. Он живо представил себе армию нечисти, в крови и пламени, огромной волной накатывающей из темноты.

– Тебе бы этого хотелось?

Матей удивлённо глянул на Конмаэла:

– Чего? Чтобы тут всё сгнуло в болото? – Он почесал затылок, захваченный вопросом врасплох. – Да пожалуй, что нет. Чего мне? Работа непыльная, место годное. Отстоим, так всё и останется, а нет – тогда какая разница... А чего ты спросил?

Капитан отрицательно покачал головой и отвернулся.

Матей молча курил. Облако дыма, чётко очерченное в спокойном холодном воздухе, нехотя отлетало в сторону и постепенно растворялось. Очень далеко и очень редко у линии горизонта загорались вспышки, такие мимолётные, что это казалось игрой воображения. Но за ними следовали раскаты грома.

– Я не был в бою, – бросил Матей упрямо, словно вонзаясь этой фразой в ледяной уступ, с которого боялся соскользнуть. Конмаэл никогда не видел, чтобы сержант признавал смущавший его страх.

– Я тоже не был, Матей. Но разве это важно?

– Расстрел – дело подлое для бойца. Знай себе спускай крючок да пали, считай, по мертвяку. А в бою? Они же там живые, капитан. Стреляют в ответ. Как тут быть?

Конмаэла это позабавило. «Они там живые».

– Нет живых. Ни здесь, ни в бою. Все мы мертвяки. Где курок спускать – всё одно. Хоть в голову себе спускай.

Матей с сомнением нахмурил густые брови, отчего стал похож на суровое древнее божество.

– Ты чего это? Думаешь, всё одно, что им в голову, что себе? Коли так мыслишь, что же ты сам себе пулю не пустил?

– Не уверен, что после этого стало бы лучше.

С этими словами Конмаэл развернулся и ушёл, как делал это всякий раз, когда разговор ему надоедал.

Оставив позади общий зал, где повеселевшие от вина подчинённые громко смеялись, он прошёл к себе в комнату и рухнул на кровать. Он ощущал усталость, не тяжёлую, но неприятную, как повреждённая эмаль на зубах. Она теперь была с ним всегда, хоть он почти вдоволь ел и спал. Еда была пресной и давно перестала волновать его вкус. Редкие сны стали единственно доступной отдушиной, которая возвращала его в мир, полный красок и эмоций, почти забытой радости и волнения. Только там он ощущал жизнь, пусть это и не было жизнью вовсе.

Взрывы гремят вокруг. Кромешная тьма не даёт различить, что творится. Слышны лишь громкие раскаты, и как будто вибрации проходят по всему телу. Вспышка, две, три. Белая, оранжевая. Потом вдруг зелёная, сиреневая. Сердце стучит неровно, иногда останавливаясь, и тогда очень не хватает воздуха.

Смех и аплодисменты доносятся со всех сторон, из мрака выплывают улыбающиеся лица. Бал в поместье Блажевского, ну конечно же, и фейерверк по случаю наступления нового года.

Запах гари тут же растворяется, тревога уходит. Праздник, не сражение. И хоть толки о Девятом переделе усилились, он это точно знает, но час ещё не пробил.

Ему светло и немного щекотно внутри – такая лёгкость живёт в нём. В большом зале стоит высокое еловое дерево, украшенное гирляндами и шарами, повсюду запах свежей хвои и подогретого вина. Люди красивы, они танцуют вокруг него и будто вовсе не касаются пола ногами, плывут по воздуху, словно призраки, духи ушедшей эпохи. Он не слышит музыки, но узнаёт мелодию – он различает её по движениям кружащихся пар. Бегают дети в масках – они шалят чуть больше дозволенного, иногда толкая взрослых. Ребёнок лет пяти в тёмно-синих бархатных штанишках, кружевной рубашке и в маске рыжей собаки или лисицы следит за ним. Прячется, выглядывает из-за дерева, смотрит на него и хохочет, чисто и звонко.

Конмаэл чувствует, что должен сей же час обернуться.

Повиновавшись себе, он видит, как в зал заходит Шивон. Она хороша собой, настолько, чтобы быть достойной нести счастливое знамя сегодняшнего вечера, и вести за собой всеобщую радость. Она держит под руку мужчину, тот облачен в военную форму, молод и горд. Он должен знать его, нет смысла представлять их друг другу, но теперь он впервые видит его, теперь он чужой.

– Господин Форальберг! Доброго вам вечера. – Шивон непривычно любезна.

– Доброго, госпожа Коттон. Я рад вашему обществу. – Он должен его знать, как же так вышло, что он позабыл?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.